

Матьяна Алюшина

Девушка
с проблемами

Татьяна Александровна Алюшина

Девушка с проблемами

Серия «Еще раз про любовь»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589755

Татьяна Алюшина. Девушка с проблемами: Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67913-3

Аннотация

Саша возвращалась домой, когда дорогу ее машине перегородил здоровенный джип, из которого вышли двое вооруженных громил. Случайное ограбление? Ничуть не бывало! Налицо оказались все признаки серьезных неприятностей. К счастью, нашелся и человек, готовый помочь в решении возникших проблем. Вот только кто объявил охоту на Сашу и чего он, собственно, хочет?..

Татьяна Алюшина

Девушка с проблемами

«О господи!! – ахнула про себя Санька. – О господи!!»

И в восторге, исходящем откуда-то из глубины души, где бы она там ни располагалась, Санька потрясенно прошептала:

– Красотища-то какая!! Нереально!

И почему-то тут же разозлилась на себя – ну наконец хоть что-то увидела вокруг! Сколько она уже пилит по этой дороге – минут сорок? Ну полчаса! И ни черта не замечает, пребывая в своем безысходно-уставшем раздражении.

Да, раздражении на всё!!

На Лильку и этот ее звонок дурацкий, на то, что все-таки дала себя уговорить и поехала на ночь глядя к ней на дачу, заранее зная, что это очередная блажь и дурь, а не действительно сколько бы то ни было серьезная проблема.

Как обычно.

Санька начала себя ругать и злиться с того момента, как, сдавшись, согласилась «вот прямо сейчас» приехать.

По-хорошему ей надо выспаться. Давно. И как раз сегодня такая перспектива замаячила, призывно помахивая ручкой и даже улыбаясь. Санька специально вечер освободила, поняв, что просто больше не может.

Вот не может и всё! И надо хоть раз нормально отоспаться.

Нормально в ее представлении – это часиков десять, причем так, чтобы лечь вечером – не ночью, а именно вечером, до двенадцати! – и спать до утра, желательно позднего.

Ну хотя бы девять часов – тоже счастье!

Санька была соней. И очень это дело уважала, иногда позволяя себе такую роскошь, что, собственно, и собиралась сделать сегодня.

Она уже несколько дней подряд чувствовала накатившую тупую усталость, ловила себя на том, что приходится перечитывать документы по нескольку раз, чтобы вникнуть в суть. Авралью разобрав все самые-самые важные дела, она освободила пару дней для отдыха. А точнее, для сна, неторопливых утр и просыпаний, кофе с особым смакованием и не на бегу, возможности поленившись, не спеша собраться и выехать на работу не в самые пробки.

И так она на все это удовольствие настроилась – вот прямо сегодня вечером, заранее предвкушала и подумывала, чем бы себя побаловать в заслуженном ленивом отдыхе, что совсем расслабилась.

«Вот же гадство!!» – ругнулась она, увидев на экране звонившего мобильного Лилькин номер и заранее с большой душевной тоской понимая, что он грозит ей испортить так уже хорошо продуманный отдых.

Лилька ныла, стенала, даже слезу пустила – впрочем, без фанатизма, хорошо поставленным актерским голосом, с некой даже долей отстраненности, но проникновенно.

Так было всегда, у Лили в арсенале имелся особый тембр – плаксиво-дребезжащий, бьющий куда-то в подсознание, слышать который долго не рекомендовалось. Строго говоря, вообще не рекомендовалось – ни долго, ни коротко. Как хорошая оперная певица, берущая высокую ноту и удерживающая ее максимально возможное время, Лилька брала свою «ноту», и тут оставалось только два варианта: либо оборвать ее любым доступным способом – выключить телефон, перебить громкими восклицаниями, а при личном контакте выскочить из комнаты, – либо немедленно капитулировать.

Александра смогла выдержать только начало излагаемой просьбы «вот прямо сейчас, немедленно» приехать и поддержать подругу в каком-то очередном труднопереносимом «горе». Ругая себя последними словами за то, что расслабилась и не сообразила вовремя придумать какое-нибудь советание или важную встречу, она согласилась.

Да уж, Лилечка была еще та штучка!

«Горе» случалось постоянно, степень «горя» укладывалась в довольно большую вилку – от сломанного ногтя до расставания с очередным богатеньким «папиком». Санька каждый раз злилась, тупея от этих «драм», разыгрываемых Лилей, но выслушивала и терпела – все-таки Лилька была ее единственной подругой, если, конечно, их странные отношения можно называть дружбой.

Так что Александра Владимировна, пролетев по МКАД поворот на нужный ей проспект, ведущий к дому и любимой,

лелеемой в мечтах кровати, злясь беспредельно и оттого все сильнее давя на педаль газа и все глубже погружаясь в какие-то мрачные размышления, поехала сочувствовать «страдалице».

Санька сделала приемник погромче, попереключала кнопки, перепрыгивая с одной радиостанции на другую в поисках чего-нибудь бодренького – надо же как-то бороться с раздражением; чего уж теперь, раз вляпалась!

«Эх, хорошо страной любимым быть!..» – весело оповестил из приемника звонкий детский голос – из далекой пионерской бодрости, бодрости еще и с песнями.

Нет, ну надо же! Вот спасибо! Как раз в тему, чтоб уж совсем тошно стало!

Страной Александра не была любима.

Причем взаимно.

Вернее, не то чтобы «нелюбовь» – это было просто полное равнодушие, незамечание и неинтерес – со стороны страны, разумеется. Сашка же к отечеству испытывала гораздо более тяжелые чувства – не востребуемые, естественно, но от этого не отсутствовавшие.

А стране ни за каким фигом Александра Владимировна Романова была не нужна, разве что в роли послушной налогоплательщицы, и то когда налоги с нее стали причитаться довольно весомые.

Стране, как выяснилось после перестройки, вообще ни

за каким фигом никто не был нужен, разве что одуревшие от жадности и власти мальчонки, которые с упоением и по-быстрому эту страну разворовывали и насиловали. Остальных она с веселой радостью выплевывала куда подальше: ученых хорошо так, смачно – по всему миру плевков пришлося, вместе с их наукой туда же полетели писатели, художники, спортсмены. Вот новое поколение выплюнуть не удалось – оно беспризорно рассеялось по вокзалам, бомжатникам, детдомам в лучшем случае, зацепившись за то, «что оно выбирает»: дешевое пиво, наркоту и радости жизни в подворотнях. Армию с ментами тоже как-то не удалось по странам рассеять, пришлось здесь, на месте игнорировать, и все остальное под названием «народ» тоже – ну не нефть же это, в конце концов, и даже не лес с газом, чтоб на них внимание обращать!

Раньше, еще несколько лет назад, Саньку иногда одолевали такие муторные мысли – сейчас-то полегче стало, изменилось многое. А когда она вынужденно начала свой бизнес – ой-ой-ой! – так тошно становилось от бесполезности этой обиды и, главное, безликости – на кого обижаться-то? На страну? Да ладно! Сами сляпали, что имеем, все скопом! На неких правителей? На каких? И потом – зачем? Что попусту-то?

Возьми да что-то сделай! Самый прямой и простой путь – возмутись публично и выскажи свое «фи»! На митинг какой сходи, горло подери. Оно, конечно, можно и в партейку всту-

пить с названием типа: «Народу все надоело!» – и шебуршась активно, выказывая свою гражданскую позицию. Дело абсолютно и безнадежно глупое и пустое, зато душу отвести можно, поорав вволю на улицах, потрясая плакатиком. А что?

Хорошо – поорал часика три, получил за крик денежку и бутерброды – и тебе приятно, и главному «духовнику» «Народу все надоело» полезно перед выборами и камерами.

Саше орать не хотелось. Она работала всю жизнь на страну и ее благосостояние, это только последние годы – на свое, а до этого... по двенадцать часов в день и на передовой – то есть в науке, – и всерьез, без дураков, и много чего сделала, и многое из ее достижений работает до сих пор и используется той же страной, которой, собственно, на нее, Александру Романову, плевать со всех своих высоких точек!

«Да, господи, боже мой! – опомнилась Санька, потрянув головой. – Да чего это меня понесло? Вспомнила былые времена! Это все из-за Лильки. И из-за того, что поспать снова не удастся».

Стараясь отвлечься, она посмотрела вокруг – и вдруг увидела закат!!

Санька сбросила скорость, съехала на обочину и, выключив мотор, во все глаза, упершись подбородком в сложенные на руле руки, смотрела на закат.

Над дорогой, тянущейся длинной серой полосой, круто поворачивающей вдалеке и от этого, казалось, обрывавшей-

ся неожиданно, упираясь в величественные сосны, простиралось небо – ультрамариновое, невероятное! А на небе царил закат.

Сказочный, нереальный! В красках, которые мог себе позволить только Рерих!

Несколько длинных тонких облаков тянулись в полнеба и уходили за горизонт, ярко, броско расцвеченные только что севшим солнцем. Бордовые, золотистые, оранжевые и пурпурные краски переливались, искрились, играя, балуясь – то вспыхивая, то затухая, – завораживая, обманывая, втягивая в себя!

Санька даже дышать забыла, так была очарована!

Ну вот как можно такое не замечать?!

Даже удивительно, как через раздражение, ничемные мысли-рассуждения, внутреннее ворчание бесконечное смогло пробиться видение, чувство этой красоты!

Саша посидела еще чуть-чуть, стараясь запомнить, сохранить ощущения причастности, видения и переживания подлинной красоты.

Краски стали опадать, утихать, ретушироваться, заканчивая представление и уступая сцену сумеркам.

Александра громко вздохнула – надо ехать – и, заведя машину, тронулась с места.

Господи, когда же она сегодня домой-то доберется?

Лилька жила в огромном доме, почти достойном элите-

та «усадьба», доставшемся ей от очень-очень-очень богатой дядечки, с которым она состояла в любовных отношениях целых два года. Небывалый подвиг с ее стороны, но при рассмотрении результатов – стоящий того, и к тому же стоивший весьма ощутимую в зеленых американских денюжках сумму.

Она за этим дядечкой, по ее собственным словам, неизменно произносимым с тяжким ностальгическим вздохом, «горя не знала». Впрочем, насколько была осведомлена Санька, горя Лилечка вообще не знала.

Зато очень хорошо знала, как и где брать таких «дядечек» – филигранно отточенное искусство на грани фантастики.

– Важно не как взять, – поучала с ленцой в голосе, присущей светской львице, Саньку опытная Лилька, – важно, как с ним остаться. Я очень благодарная любовница, а большинство девиц из «поисковых» отрядов об этом забывают или не умеют!

Александре все эти объяснения из жизни пасущихся на беспредельных лугах расейского и не только бизнеса в охоте на богатеньких мужиков светско-тусовочных хищниц были глубоко до лампочки, приблизительно как события, происходящие в космосе, где-то в отдаленной галактике.

Ну, кого, например, волнует, что за триллионы там каких-то парсек светового времени родилась новая звезда или взорвалась старая?

Ну вот и ее нет!

Но это была Лилечкина жизнь, она ею дышала, ее ела, пила, в ней спала, двигалась, пребывала и царила.

А Лиля являлась Санькиной подругой, и до недавнего времени единственной.

Других не было: ни лучше, ни хуже – никаких.

– Ладно! – громко приказала себе Александра, прибавив скорости. – К черту все эти мысли! И откуда берутся? Ты лучше рули поскорее, Александра Владимировна, еще домой возвращаться!

Оставаться у Лили с ночевкой Александра не любила, не поддаваясь на ее уговоры и нытье. Уговаривать Лилька умела и без своей знаменитой непереносимой ноты, делала это с чувством, от души, профессионально, но Александра соглашалась крайне редко, когда сама решала про себя, что «ладно».

Сашка не любила этот здоровенный дом с претензией на выставочную крутость. В нем все было чересчур: много пространства, высоченные потолки, масса закоулков, и все это глухо ухало от каждого шага, пугало эхом, темными углами и невероятно нервировало масштабом замысла, как ей казалось, не соответствующего внутреннему исполнению.

Такие объяснения Санька пыталась дать самой себе, ей словно было как-то неловко, оттого что она чувствует себя неудобно в обожаемом Лилькой доме.

Да там и было неудобно!

В какой бы части дома ни находился человек, он неизбежно оказывался спиной или к двери, или к какому-нибудь темному углу. Черт его знает, может, его специально так строили, может, это нечто жутко концептуальное или лихо-дизайнерское, недоступное таким непродвинутым барышням, как она. Но оставаться там Санька терпеть не могла и старалась всегда вернуться домой, в Москву.

«Это я хандрю, – поняла Александра, выруливая на поселковую улицу, в конце которой и стоял Лилькин домина, – злюсь и хандрю! Потому что отдых обломался, а я так все замечательно уже придумала! Э-эх!»

Так папа говорил – хандрить.

– Что ты хандришь, маленькая? – спрашивал он, усаживая грустную Сашку к себе на колени и прижимая к груди. Его уютная теплая грудь, всегда в белой рубашке с галстуком, жилете и пиджаке, пахла сложной смесью химических препаратов, трубочным табаком и просто папой.

Сашка замирала от восторга. Она обожала своего папу, боготворила все, что связано с ним: его запах, голос, сидение у него на коленках, поглаживание его огромной, теплой и шершавой от реагентов руки по ее худосочной спинке с торчащими лопатками. Только там, внутри его объятий, она чувствовала себя любимой, нужной, защищенной и счастливой.

Она так это все любила, что иногда специально притворялась, что ей грустно и это точно можно назвать «хандрой»,

только чтобы папа взял ее на коленки и гладил, и прижимал к груди, успокаивая и защищая от всех невзгод.

Охо-хошеньки-хо-хо!

Не надо было сегодня ехать к Лильке! Ох, не надо!

Раз полезли такие раздраженные мысли, да еще воспоминания эти, значит, точно вымоталась до предела и ничего хорошего это не сулит! Вот сто пудов!

Воспоминания о папе – это самое лучшее и теплое, что было в ее жизни, и все они находились под запретом.

Строгим. Наистрожайшим!

По многим причинам, одной из которых числилось предвестие неприятностей. Санька однажды вдруг осознала, что каждый раз, когда она вспоминает так ярко и живо папу, видит его и слышит, сразу после этого следуют неприятности. Наверняка да и, скорее всего, так просто совпало несколько раз, а она по привычке вывела закономерность.

А может, он предупреждал ее?

Все возможно, но лучше экскурсии в прошлое контролировать.

«Ладно! Все! Разворчалась тут! – отчитала она себя мысленно. – Приехали! Давай вон вылазь, твоя станция!»

Она остановила машину сбоку здоровенных массивных ворот в таком же внушительном заборе, огородившем необъятных размеров участок. Хорошо, что хоть охранников нет и бешеных собак с ними. Видимо, у ныне присутствовавшего в бурной Лилькиной жизни «папика» на охранников денег

нет, а может, жалко денежек – чего любовницу охранять-то, чай, не жена.

– Да что с тобой?! – не выдержав навалившегося пессимизма, ворчания и непролазной тоски какой-то, вслух возмущилась Санька. – Что ты разнылась-то?

Она вздохнула тяжело, как старушка над своей скудной пенсией и горемычной жизнью. Вздохнула еще раз – идея выспаться сегодня в любом случае накрылась, чего уж теперь вредничать.

Санька торопливо стала выбираться из машины, заметив, что ворота, дрогнув могучим телом потревоженного богатыря, стали медленно открываться. Это Лилька усмотрела ее подъезжающую машину с балкона.

Александра прокричала, одновременно ставя машину на сигнализацию:

– Я заезжать не буду!

– Ты что, не останешься? – отозвалась с балкона Лилька капризным голосом.

Санька всегда поражалась: как это у нее так получается – кричать и ныть одновременно? Профессионал!

– Ну во-от, опять! – недовольно проворчала Лилька, но движение ворот остановила.

Они вновь дрогнули всем своим богатырским телом, встряхнулись и замерли. Миновав образовавшееся отверстие, Александра прошла на участок, навстречу из дома выпорхнула Лиля, быстро сбежала по монументальной мра-

морной лестнице, подлетела, обняла, поцеловала в щечку.

– Останься, чего ты! – начала капризным тоном она. – Шампанского попьем, зальем мое горюшко! А?

– Лиль, шампанским горе не заливают, как правило, водочкой, водочкой душевные муки исцеляют! – осторожно отделиваясь от объятий, ответила Санька.

Она всех этих обниманий-целований не любила. Не любила и не понимала.

– Ну останься! – уговаривала Лилька, ухватив Сашу за руку.

– Не могу, у меня завтра дел много утром, – соврала Санька.

– Ну ладно, бизнесменша ты наша! – неожиданно согласилась Лиля.

Александра от неожиданности так опешила, что автоматически поправила ее, чего старалась не делать лишний раз:

– Такого слова нет: «бизнесменша» – это тупизм так говорить, даже думать так тупизм!

– Слова «тупизм» тоже нет! – рассмеялась Лилька.

Саша удивленно так, сбоку, на нее посмотрела, как будто увидела впервые.

Да что это с ней?

Нытье, капризное и инфантильное, как правило, длилось долго, пару часов. Это был ритуал – Лилька уговаривала остаться, предлагая заедайки про баню, сауну, бассейн, чудесный воздух, возможность выспаться на замечательной

кровати с ортопедическим матрасом в гостевой спальне, вдыхая все тот же целебный воздух, и позавтракать по-человечески, не своим кофе дурацким, а полноценной едой, приготовленной кухаркой.

Все это было знакомо, устойчиво-нерушимо, как Китайская стена. Обряд.

Иногда, очень редко, Александра соглашалась – когда уже никаких сил не оставалось садиться за руль и куда-то ехать, и, как правило, удовольствия не получала, хотя оглашенная программа с баней, бассейном и всем остальным исполнялась хозяйкой в точности до запятой.

Не могло быть, чтобы Лилька вот так сразу согласилась, да еще слегка огрызнулась про «тупизм»! Исполнение арии уговоров всегда соблюдалось ею неукоснительно, Санька никогда не понимала зачем, но подозревала, что для тренировки – чтобы не выпадать из образа и оттачивать мастерство.

Странно! А впрочем – да и бог с ней, Александре же проще!

– Ну, что у тебя случилось?

Санька с удовольствием опустилась в удобное уютно-кремовое огромное кожаное кресло, составлявшее комплект с его братом-близнецом и очень большим диваном. Может, архитектор, строивший этот дом, в паре с дизайнером, его обустроивавшим, страдали гигантоманией?

В этой комнате, считавшейся основной гостиной, перед комплектом кресел с диваном находился еще стол, невысо-

кий, очень массивный, на больших ногах и с толстенным стеклом сверху, с какими-то золочеными финтифлюшками в виде декора, а у камина располагалась не менее монументальная кресельная пара. И все!

Да, стояли еще какие-то предметы декора, наверняка жутко дорогие и антикварные, в шести (вместо четырех) углах комнаты, но все это терялось в вечно царящем здесь полумраке. Все остальное пространство пустовало и было столь обширно, что напрашивалась аналогия про поля родины.

«Поле, русское поле...»

Саньке всегда казалось, что кто-то ходит за спиной. А черт его знает, может, и ходит – поди разберись на этом просторе бескрайнем! Приличное расстояние отделяло кресельно-диванное трио вкупе со столом от огромного, как в средневековом замке, камина, в который, пожалуй, полдерева вошло бы влегкую.

И вот скажите, на фига этот камин?! Что он греет, что не греет – одна песня, через полполя-то!

Ковры в доме были не предусмотрены, и каждый шаг оповещал на всю округу о твоих перемещениях и конечном пункте твоего путешествия, например в туалет. Остальные комнаты так же были выдержаны в стиле гостиной – какой-то минимализм через край, даже кухня, которой полагалось быть уютной, пугала пустотой и наличием не заполненного ничем пространства.

Когда Александра попала сюда первый раз, по своей на-

ивности спросила, может, подруге денег не хватило на обустройство, Лилька смеялась до слез, объясняя далекой от светской тусовки Саньке, что это такой суперновомодный стиль и стоит безумных деньжищ.

«О господи! – подумала тогда Санька, порадовавшись, что далека от всей этой ерунды. – Чур меня!»

– Так что у нас за горе? – спрятавшись от «полей» в уютную мягкость кресельного нутра, торопясь со всем этим поскорее разделаться, повторила вопрос Александра. – У тебя увели из-под носа понравившуюся сумочку в бутике или туфли?

– Ну, Са-ань, ну не вредничай! – засмеялась Лилька.

Из пространственного полумрака возникла домработница, катившая впереди себя сервировочный столик, уставленный всяческими яствами.

– Добрый вечер! – поздоровалась она непонятно с кем: не то с хозяйкой, не то с Сашей.

Но корректно. Без эмоций. Вот такая она была.

– Здравствуйте, Анна Ивановна, – откликнулась из глубин кресла Александра.

Лилька подгоняла домработницу своим царственным молчанием. Анна Ивановна быстро накрыла стол, водрузила на специальную невысокую подставку ведро со льдом, в котором охлаждалось только что открытое шампанское, и удалилась вместе со столиком.

– У меня катастрофа! – объявила Лилька, доставая шам-

панское из ведерка.

Саша посмотрела на «страдалицу», та была весела, бодра и привычно хороша – на катастрофу это не тянуло.

Как обычно.

– А когда-то было что-то менее масштабное? – ковыряясь в остатках своего раздражения, поинтересовалась Санька.

– Ну, Сашка, ну все, пожалуйста, не вредничай! – предложила мировую Лилечка, разливая шампанское по бокалам. – Ты что, устала сильно?

– Да, сильно! – сдалась и, расслабляясь, как-то растеклась в кресле Сашка.

– Так нельзя, Саша! – совсем иным, деловым тоном попеняла Лиля. – Сколько можно тебе объяснять!

Лиля взяла с тарелки двумя великолепными пальчиками тарталетку с черной икрой и аккуратно откусила белозубым розовогубым идеальным ротиком.

Венера, а то – не забалуешь!

– Женщина не должна так работать! – пояснила «Венера». – Женщина вообще работать не должна, у нее и так забот хватает! А ты вообще не знаю как! Как каторжанка царская!

– Царские-то еще ничего себе, почти с комфортом работали, не в пример их советско-сталинским потомкам! – устало возразила, просто так, из вредности, Санька.

– Ну как сталинская каторжанка!

– Лиль! Про мою работу мы давно уже все знаем, и ты мне

давно уже все объяснила про нее и про каторгу!

– Я вот тебе сколько раз предлагала, – не унималась подруга, – давай я тебя в хорошие руки пристрою! Олигарха, конечно, не обещаю, но работать тебе больше не придется! Никогда!

– Лиль, – прервала всю эту дребедень Александра. – Про меня все понятно, у тебя-то что случилось? С одним рассталась, другого не нашла или что похуже?

– Да нет, – перестала дурачиться и перешла на нормальный человеческий тон Лиля. – У меня их было два. Я выбирала. Один побогаче, посолидней в плане связей и статуса, второй помельче масштабом, но помоложе и, главное, с бо-
льшой перспективой. Я выбрала первого, уж больно он старался меня заполучить.

Она замолчала, что-то промелькнуло в ее глазах непонятное.

Лиля была очень умна, в этом Саша убеждалась не раз, умна не в смысле квадратные корни вычислять, а в жизни, во всех ее проявлениях, а легкий флер идиотки и маленькой пустой девочки – так куда деваться, это входило в арсенал профессионализма, имидж такой – мужик, знаете ли, разный пошел, кому что нравится, чуть выпадешь из образа – и прощай, любовь с содержанием!

– Давай выпьем! – бодро предложила Лилька.

– Я за рулем, – отказалась Саша, – я лучше чаю.

Анна Ивановна для Александры всегда заваривала зеле-

ный чай ее любимой марки. В первую же их встречу, как и подобает золотой домработнице, она подробно расспросила Сашу обо всех ее кулинарных и бытовых предпочтениях и свято их соблюдала.

– Ну пей свой чай, – согласилась Лиля.

Снова здорово!

Да что с ней сегодня творится-то?!

Всегда, неизменно шампанское числилось одним из пунктов уговоров остаться – не шампанское, так вино, – остаться, расслабиться, дать себе отдохнуть наконец и так далее, Лилька никогда не забывала эту «песню» и повторяла ее множество раз.

Может, на самом деле что случилось?

– Это катастрофа, Саша! Я первый раз просчиталась! – с надрывом призналась она. – Второй – первый в Америке. Но я никогда не делала таких ошибок!

Александра закашлялась, поперхнувшись чаем.

Да, катастрофа! Для Лильки.

– Ты же знаешь, я не из «паркетных» девочек, у меня уровень другой и задачи другие.

«Паркетными» в том обществе, где вращалась Лилечка, называли молодых барышень, охотящихся за богатыми мужиками, как правило, это были лет до двадцати пяти модели, актриски, певички, просто тусовочные красавицы. Полный список их находится у всероссийского известного сводника, поставляющего данный «продукт» очень, ну очень бо-

гатым и вечно занятым дядечкам. Есть еще и свободные, как радикалы, охотницы, те сами ведут поисково-разведывательную деятельность по выявлению доступов и способов окучивания тех же богатых деятелей мужеского полу с целью женить их на себе – это в победном идеале, в наименее удачном варианте – стать любовницами.

Да уж! Выбор у наших мужиков стоимостью от десятков миллионов, естественно не наших дензнаков, богат, цветаст, разнообразен и всегда на блюдечке.

До рвоты!

Как сказал великий Жванецкий: «Мужской спрос настолько задавлен женским предложением...»

Лиля, в отличие от всех этих барышень, женщина умная и весьма обеспеченная, что является ее стратегической тайной. Небольшой капиталец она привезла из Америки. Как она его приобрела, никто не знал, что-то там Лиля озвучивала, некую официальную версию про трех мужей и два развода, но это никогда не будоражило Сашиного интереса – личные тайны неприкосновенны.

Так вот, Лилия вложила куда-то эти деньги. Удачно. Потом еще куда-то. И снова удачно.

Словом, ее капитал все время работал, и, невзирая на ее вечные поучения подружки на тему неженских занятий бизнесом, за своими деньгами она следила зорко – как орлица за орлятами. А еще она была из редчайшей породы женщин, которые всегда (всегда!) нравятся мужчинам – в любом воз-

расте, при любых раскладах. А уж все, что касалось мужчин, в этом Лилька была академиком, нобелевским лауреатом, асом высшего пилотажа!

Основное правило Лилии, которое Александра называла «гипноз с последующим правом выбора из одного варианта», гласило: «женщина – это украшение вечера, а не его продолжение». После такого постулата, ясно, мужики делали все, чтобы добиться этого загадочного и столь недоступного продолжения.

Все Лилечкины романы были настоящими – с легкой влюбленностью, ухаживаниями, хорошим сексом и тонким, просчитанным до миллиметра расчетом.

Как там у гадалок? Бубновый король и денежный интерес? Вот-вот. Или червонный король?

– Так что за ошибка? – слегка поторопила повествование Александра. – Он оказался жадным или не таким уж богатым?

– Нет, – скривилась Лилька и запила недовольство шампанским, всем видом изображая разочарование от Сашкиной тупости. – Ты же знаешь, что таких я к себе не подпускаю! Я сначала все досконально о них узнаю, а уж потом присматриваюсь! Это обычная рабочая рутина, Саша, я же тебе рассказывала, ты что, не помнишь?

Конечно не помнит! Будет она помнить все, что Лилька болтала о борьбе за женское светло-долларовое счастье и механизмах его достижения!

Ах да! Что-то там было о том, что сначала проводится детальное расследование по «объекту», вплоть до его любимой туалетной бумаги и зубной пасты, и только потом начинается охота.

Александра вдруг почувствовала, что ее подташнивает, и вспомнила, что не успела пообедать сегодня. И поужинать тоже.

Как хочется домой!! И спать, и ванну! Нет, сначала ванну, а потом спать!

– Помню! – кивнула она, торопясь избежать ненужных подробностей.

Пожалуй, можно обойтись без ванны. Просто спать!

– Сашка! – присмотрелась к ней Лиля. – Ты позеленела! Тебе плохо?

– Нет-нет!

Сашка аж испугалась. Не хватало нового витка уговоров, поучений, так до утра отсюда не выберешься.

– Ты поешь, Сашенька, ты же с работы, – засуетилась Лиля, подвигая к Саньке тарелки с закуской.

– Ли-ля! – требовательно повысила голос Александра. – Я поем, и чаю попью, и еще поем, и попью, и мне еще ехать. Давай, рассказывай, не отвлекайся, а то я прямо сейчас уеду!

– Да что рассказывать, – скривилась Лилька. – Он симпатично так, настойчиво ухаживал. Очень настойчиво. Вздыхал. И все нетерпение выказывал, а второй, тот, что помоложе, заметил все эти пассы вокруг меня и тихо так отошел в

тень, даже уехал куда-то по делам, давая понять, что видит мои предпочтения. Ты же знаешь, я никогда не встречаюсь с двумя одновременно. Никогда. Это все знают, и мои правила знают, и то, что я очень преданная любовница, и не изменяю, не подставляю, поддерживу и подыграю в его делах, если надо. И еще то, что меня интересуют только настоящие романы, с сексом, с взаимным времяпрепровождением.

Лиля долила себе шампанское в бокал, Саня проследила за ее движениями, приподняв от удивления брови. Лиля никогда не пила больше одного бокала и не ела вечерами, после пяти. Стол накрывали исключительно для Александры, когда она приезжала, ну и потому что так положено.

– Расстроена, – пояснила Лиля, увидев выражение Санино лица. – Вот позволила себе сегодня.

Что-то здесь точно было не так.

Не могла она настолько расстроиться из-за неудачи с мужчиной! Подумаешь – не этот, так другой, куда они все от нее денутся. Не повод это для того, чтобы Лилька дала себе расслабиться и позволить что-то есть и пить сверх нормы!

Форма – это ее орудие капиталистического предприятия.

Но Лиля увела, отвлекла Саньку от этих мыслей, вдруг рассмеявшись:

– Сашка! Я первый раз в жизни оказалась в постели с таким потрясающе никчемным мужиком!

– Импотент, что ли? – буднично спросила Сашка, прихлебывая свой чаек.

– Да лучше бы он им был! Боже мой, сколько стараний заполучить меня в кровать, а обещаний!! Я, грешным делом, подумала – гигант! А у него не член, а пипетка какая-то! Ей-богу!

Санька, не удержавшись, расхохоталась, вмиг разгоняя из темных полевых просторов притаившиеся там злые тени. Лилька подхватила и, утирая выступившие слезы неизменно элегантным движением пальчика, продолжила повествование, вызывая новые приступы дружного смеха:

– Нет, ты представь! Пыхтит на мне, маленький, трудится, глазки от счастья замуривает, потеет! А мне хотелось от скуки голову ручкой подпереть и поторопить его! Сколько усилий – ухаживал, окучивал, на яхте катал, подарки, естественно, все по правильной программе, а уж как зазывал, обещал небывалые страсти. И такой конфуз! Точно как у Альтова: «Хотел подняться и встать, а смог только пукнуть и сесть!» Но катастрофа в том, что с этим я рассталась, под благовидным, конечно, предлогом, их обижать нельзя, можно так нарваться! Но второй-то деликатно ушел в сторону, и мне теперь его вряд ли вернуть!

– Да ладно! – махнула рукой Сашка, улыбаясь. – Другого найдешь, когда это ты не находила?

– Найду, разумеется, – вздохнула преувеличенно тяжко Лилька. – Но каких трудов это стоит, ты бы знала!

Да-а! Нелегка доля сталеваара!

– Так отдохни! – внесла конструктивное предложение

Санька. – Предоставь себе отпуск за свой счет!

– Отдохну в старости, и именно за свой счет, а сейчас, чтобы такое счастье сложилось, отдыхать рано.

Лиля, по еще одной установленной ею традиции, пошла провожать Александру к автомобилю. Санька завела машину, сев за руль, и опустила стекло попрощаться, Лилька наклонилась к ней.

– Сашенька, ты извини, что я тебя сегодня выдернула, я же вижу, как ты измотана.

Сашка даже рот приоткрыла, как деревенская дурочка, опешив от услышанного.

Да что происходит, в конце-то концов?!

– Лиля, с тобой все в порядке? Что-то случилось серьезное? Ты не заболела?

– Да ты что, Саш? – сделала удивленное лицо Лилька.

Странно, но удивление у нее не очень получилось.

– Лиль, ты никогда не извиняешься, с чего вдруг? – на самом деле обеспокоилась Санька.

– Да нет, нет! – как-то быстро ответила подруга. – Действительно, сильно расстроилась из-за этого пипеточника, да и вижу, как ты устала! Ну все, пока!

Она быстро наклонилась, чмокнула Саньку в щечку и, развернувшись, пошла к дому, не дожидаясь, когда подруга отъедет, чего тоже раньше никогда не делала – всегда махала ручкой вслед.

Ну, ладно.

«В каждой избушке свои погремушки, – подумала Александра, глядя на удаляющуюся Лильку, – у кого бухгалтер в отчете напорточил перед сдачей в налоговую, а у кого секс не удался – все одинаково, почти трагедия. Вот так!»

Александра выключила приемник и катила по темным поселковым улицам совсем медленно, еле-еле, не мешая ни скоростью, ни лишними движениями и звуками течь своим мыслям. Мысли эти были привычны, передуманы уже не один раз, так, между делом: вопросы без ответов, даже без попытки разобраться. Санька называла про себя такие размышления «круговыми» – ходящими по одному и тому же кругу, как шалопутная коза вокруг колышка, к которому привязана на длинной веревке, Сашка однажды в детстве такую видела, когда они ездили с папой к его друзьям на дачу. Коза, которую звали Веркой, все ходила и ходила кругами, а маленькая Санька смотрела и дивилась: чего это она не убегает или не гуляет еще где? А потом папа показал ей колышек, к которому был привязан длинный козий постромок и который никак нельзя было увидеть из-за густой травы. Санька тогда ужасно расстроилась, жалея бедную Верку, и плакала, так и не поняв, почему нельзя отпустить погулять несчастное животное.

Почему Лилька с детства навязала им такую манеру общения – умная и мудрая Сашка и недалекая подруга Лилька? Сашка сердилась на нее, старалась восстановить справедли-

ВОСТЬ:

– Лилечка, ты же очень, очень умная, почему ты так разговариваешь?

– Нет, – твердо стояла на своем Лилька, – я не умная, я не могу быть умной, умная у нас ты!

Характер у Лили был наитвердейший, железобетонный, и если она что решила...

Саньке всегда было не до этого, ни до чего вообще в ее непростом, трудном, с малюсенькими островками – крупинками счастья – детстве, в котором приходилось так стараться быть хорошей, все время, постоянно, даже во сне. И это отнимало все ее детские силенки и занимало думы, поэтому на осмысление странностей Лилькиного поведения ничего не оставалось, кроме недоумения, и Санька сдалась, толком не вступив в борьбу за истинную справедливость, и приняла эти отношения в том виде, который предлагала и навязывала подруга.

А что делать – Лилька была единственной в ее жизни. Был еще Левик во дворе. Но с Левиком Саньке дружить не разрешали, и общалась она с ним тайно, пока никто не видит. Но потом Левик уехал.

Может, у Лильки имелись какие-то свои резоны так поступать, и Санька думала: наверное, так и должно быть.

Вот так они и играли до сих пор в эти куклы, ни разу – никогда! – не делясь своими истинными, глубокими, настоящими переживаниями и проблемами.

Зачем они это делают? Столько лет!

У Лильки какие-то свои резоны, а Саша почему-то подыгрывает. А может, все проще? Может, Александра боится потерять и ее, Лильку, единственную, еще восемь месяцев назад единственную, поэтому и подыгрывает?

Может.

«Круговые» мысли-рассуждения всегда сопровождали ее после встреч с Лилькой, хорошо хоть редко видятся, а то бы Санька по укоренившейся привычке полезла докапываться до истины. И докопалась бы, не сомневайтесь!

– Спать хочу! – сказала громко Александра себе, а может, машину оповестила.

И включила приемник, прибавив ходу.

Положенное время для шалопутно-козых круговых мыслей было исчерпано, надо подумать, что там завтра у нее.

Александра прекрасно понимала: это иллюзия, будто она освободила пару дней для отдыха. Дела никогда не заканчиваются, если это твоя фирма – выстроенная и выстраданная тобою с нуля. Самой. Без помощи и поддержки. Назло врагам непонятно в чьем лице.

Просто назло! Себе самой, обстоятельствам, жизни.

Вопреки, назло и чтобы не сдаться!

«Кажется, я на самом деле осатанело устала, раз черт-те что в голову лезет, да еще папа... Так, дорогая, давай-ка ты подумай, что завтра с поставщиками!»

И мысли вырулили на привычное, рутинное русло, да-

же успокаивая своей обыденностью переживаний. Работа, и все!

За рулем всегда замечательно думается, особенно на совершенно пустой – ни одной машины – загородной, темной дороге.

В зеркале заднего вида, ударив по глазам, отразился свет дальних фар едущей машины.

– Размечталась! – проворчала Сашка, щурясь от неожиданности. – Пустая дорога. Когда это видано было: пустая дорога в ближайшем Подмосковье? – Она подала машину правее, мало ли какие придурки ночью по дорогам каскадируют!

Здоровенный джип, сверкнув в отсветах фар лоснистым черным боком, обогнал Сашкину машину и вдруг неожиданно резко свернул вправо, перегородив ей дорогу. Санька вдавила педаль до упора в пол. Завизжали препротивно тормоза, машина дернулась, словно подпрыгнула, останавливаясь, Сашка пребольно ударилась об руль и выматерилась. Она научилась материться давно, специально училась – честное слово! – и делала это иногда с удовольствием, правда, в основном про себя. Но сейчас высказалась громко, отчаянно и как-то забористо. От неожиданности.

Испугаться она не успела – среагировать успела, а вот испугаться – нет.

Пугаться она начала, когда, подняв голову, посмотрела вперед через лобовое стекло и увидела, как из подрезавшего ее джипа живенько так выбираются два молодых мужика.

– О господи! – прошептала Сашка, отчетливо понимая, что попала со всего разгону ночью, на пустой пригородной дороге, во что-то ужасное.

Она схватила с торпеды сотовый, почему-то совершенно не соображая, что с ним надо делать, напрочь позабыв его истинное предназначение, и, не отводя взгляда от приближающихся к машине парней, крутила в руках трубку, пытаюсь сообразить, чем эта штука может помочь.

Дверца с ее стороны резко распахнулась, и Александра увидела прямо перед собой, в нескольких сантиметрах от лица, небольшое круглое отверстие – дырочку, от которой куда-то уходила черная бесконечность.

И тут она поняла, что – это – такое!!!

Мозг и тело заклинило одновременно страхом. Огромным, холодным, тупым, как айсберг, словно кто-то мгновенно заморозил ее жидким азотом! Сердце съежилось в маленький шарик от пинг-понга и закатилось, спрятавшись куда-то за желудок, продолжая там гроыхать – быстро-быстро, делая больно внутренностям своим льдистым боком.

Она перестала слышать, понимать, соображать хоть что-то и ничего не видела, кроме этой черной бесконечной дыры пистолетного дула.

Это было очень страшно! Животно, нечеловечески страшно!

– Двигайся, сука! Быстро! – орал кто-то.

Ей казалось – издалека, и звук был какой-то странный, как

через вату, но она услышала. Удивилась.

– Двигайся, б...дь!!!

И тут – ра-аз! – и организм вместе с мозгами и находящимся в них интеллектом, а также слухом и умением видеть мгновенно разморозился, приводя Саньку в сознание. Правда, не сразу так уж в сознание, потому что она вдруг подумала:

«Что этому пистолету от меня надо?!»

Но пистолету от нее, оказывается, ничего было не надо – пистолету вообще ничего ни от кого не надо, только стрелять, а куда или в кого – его не волнует. А вот парню, материализовавшемуся дальше, за пистолетом, и исходившему от нетерпения отборным матом, парню, которого Санька наконец увидела, точно что-то было надо от нее!

Матерился он некрасиво, без вдохновения, огонька и мастерства, Санька умела в сто раз красивее и залихватистее.

«Кажется, я чокнулась!» – медленно подумала Санька.

Рывком, резко, распахнулась вторая дверца, напарник чувака с пистолетом, наклонившись, уперся одной рукой в сиденье, другой ухватил Сашку за волосы и потащил на пассажирское кресло, сопровождая свои действия трехэтажным матом.

«Устал ждать», – так же медленно-тягуче подумала она.

Он дернул ее так сильно, что у Сашки мгновенно брызнули слезы из глаз от боли, и эта боль включила сознание на полную катушку. И Санька четко, ярко, с деталями уви-

дела всю картину происходящего, словно получила периферийное зрение, на все триста шестьдесят градусов – стоящий впереди черный джип с распахнутыми дверцами, подсвеченный фарами ее машины, двоих парней, пытающихся почему-то пересадить ее на пассажирское сиденье, и себя, которую волокут за волосы.

– Сейчас, сейчас! – пообещала Саша и стала суетливо перекидывать правую ногу через ручку скоростей. – Не тяните меня! Я пересяду!

– Да шевели ты жопой!! – орал приставленный к пистолету нервный хлопец.

Но Сашкины мозги уже стали соображать с космической скоростью, поэтому пересаживаться она не торопилась, пытаясь понять, что происходит.

«Так, Сашенька, теперь быстро соображай, что можно сделать! – приказала она себе и ответила сразу: – Ничего! Один справа, другой слева, деваться некуда. Что им от меня надо?! Машину угнать? Так чего проще – выбросить меня из салона или пристрелить, коль пистолет есть! И зачем им меня пересаживать?»

Деваться действительно было некуда, это ясно, и Санька, стараясь потянуть время, демонстрировала суету, хватаясь за спинку соседнего кресла рукой, стала перемещаться, перекидывая по-журавлиному ноги, изображая перепуганную неуклюжесть.

«Ладно, – успокаивала она себя, – разбираться будем по

ходу развития событий. Надо сначала понять, что им от меня нужно? И давай, давай, Сашка, соберись!! И больше никаких ступоров со страху!! Страшно, конечно! Но жить хочешь? Тогда думай!!»

Все происходило очень быстро, в какие-то мгновения, она это очень четко сейчас понимала. Но для нее время замедлилось, словно растянулось специально, давая возможность заморозиться-разморозиться, вернуть на место шарик от пинг-понга, придав ему первоначальную форму сердца, а мозгам – привычную заполненность, а также побыть какие-то мгновения без нее, этой заполненности, пройдя этапы от перепуганной идиотки к мгновенно соображающему человеку.

И тут оказалось, что соображать надо еще быстрее, потому что стало происходить нечто вообще невообразимое и непонятное, никакой кормой и ни с какого боку не вписывающееся в сложившуюся уже картину.

Неожиданно исчез куда-то пистолет вместе с прилагающимся к нему обладателем.

«Куда это он?» – подивилась Санька, продолжая демонстрировать нападшим чудеса полного отсутствия гибкости конечностей и вытворяя что-то совсем невообразимое руками-ногами.

Задевая все, что можно: руль, торпеду, кресла, а больше всего тянущего ее мужика – всем, чем могла: руками, локтями, коленками, плечом, головой – и вызывая непосредственным физическим контактом потоки мата, Санька все же пе-

редвигалась.

И оказалась в разгар непонятных событий как раз на полпути данного процесса, то есть с расставленными неприлично ногами по бокам еще более неприлично торчащей ручки переключения скоростей – Саньку продолжал тянуть нервный парень и так увлекся этим делом, что не заметил исчезновения напарника. А зря.

Неожиданно перестало быть так отчаянно больно коже на голове, и жесткая тяжелая рука, только что тянувшая Саньку, куда-то делась вместе с телом, которому принадлежала.

Брошенная на середине своего перемещения в неэлегантной позе, не подгоняемая никем, Санька замерла, как настоженная мышь в мышеловке, в ожидании продолжения экзекуции, так ничего и не поняв.

«Что, бой кончился? Они передумали?» – ошалела она.

В левую распахнутую дверцу сунулся какой-то непонятный мужик и приказал:

– Двигайся! Быстро!

Прозвучало это таким тоном, что Сашка мгновенно исполнила приказание, даже не успев сообразить, что делает и как оказалась на пассажирском сиденье.

Мальчонке-то с пистолетиком и малохудожественным невыразительным матом, чтобы научиться так отдавать приказы, пожалуй, лет десять надо в разведшколе какого-нибудь ЦРУ поучиться, и то не факт, что получится. Не одарен хлопец явно!

– Дверь закрой! – поступила следующая вводная.

И Санька хлопнула дверцей, вторично не успев сообразить, что сразу же выполняет данную команду, как лейтенант приказ генерала.

И спохватилась, поняв, что исполнила, и пришла в себя!

– Вы кто? – возмутилась она.

– Как кто? Не узнала, что ли? Да ты что!

И он так неподдельно удивился и искренне расстроился, что Санька аж посочувствовала ему!

Вот прямо видно было, что всерьез опечалился мужчина, словно оказался ее закадычным другом детства Леви-ком Лискером, с которым ей запрещали общаться и который очень давно и не совсем плавно эмигрировал с родителями на израильскую землю за еврейским счастьем, а теперь чудом образовался вдруг здесь посреди ночной дороги, до рыданий сердца прямо!

Она даже расстроилась – черт его знает? На Левика, которого Санька видела последний раз, когда ему было лет десять, товарищ не походил даже близко. Или тот таки поймал свое еврейское счастье, чудесным образом перевоплотившее пухлого, вечно что-то жующего мальчика, кучерявенького, с оттопыренными ушами, в очочках с толстыми линзами, прятавшими застенчивые глаза, постоянно шмыгающего носом, в жесткого, жилистого мужика, умеющего ТАК отдавать приказы.

Санька совсем уж распереживалась, что придется его еще

больше огорчить правдой.

– Не-ет, не узнала, – призналась она, покачав для пущей убедительности головой, вздохнула, но все же поинтересовалась осторожно: – А вы кто?

– Да принц же, конечно! – как бестолочи безнадежной, раздосадованно объяснил он.

Отвернулся от нее, крутнул ключ зажигания, заводя машину, и пояснил:

– Принц, теперь вот и на коне!

И рванул с места, прогремев правыми колесами по щебенке обочины, по дуге обогнув раскоряченный распахнутыми дверцами джип.

– Куда мы? – совершенно не понимая происходящего, спросила Александра.

– Сматываемся! – весело, ничего толком не проясняя, отозвался непонятный мужик.

Санька всем корпусом развернулась и посмотрела назад, на удалявшийся джип, светивший фарами куда-то в поле, и лежащие на дороге две смутные человеческие тени.

Она вдруг почувствовала горячую ладонь на своем колене и резко повернулась, встретившись взглядом с участливыми глазами незнакомца. Он как-то очень по-человечески, проникновенно спросил:

– Испугалась?

Она кивнула, затолкав внутрь невесть откуда взявшиеся слезы. Участливая, успокаивающая рука исчезла с колена. И

почему-то Санька почувствовала себя сиротой брошенной после ее исчезновения.

А ведь она и не рассмотрела его даже – мужик какой-то совершенно непонятный и мутный, который сматывается вместе с ней и ее машиной.

«Господи боже, куда я вляпалась? И что это за мужик-то? Из огня да в полымя!» – ничего не понимая, совершенно растерявшись, спрашивала себя Санька. А может, она попала в еще худшую беду, чем с теми парнями из джипа?

Но почему-то ей так не казалось, вот не чувствовала она от него угрозы, или она на сегодня лимит страха исчерпала?

Иван устал. И злился на себя, по своей десятибалльной шкале недовольства где-то на четверочку – чего, спрашивается, потащился на ночь глядя в Подмоскovie? Посмотреть самому на обстановку и возникшую новую фигурантку? Да мужики прекрасно и без него справятся!

Подъезжая к поселку, на какой-то неубедительной не то тропинке, не то просто колее, сворачивающей в лес, он заметил темный джип, мирно стоявший с выключенными фарами, и привычно отметил про себя этот факт.

«Черта стоять-то тут? Если любовью заняться, заехали бы подальше, или совсем уже все до фени?»

– Привет! – поздоровался Иван с подчиненными, неслышной тенью усаживаясь на заднее сиденье машины. – Как обстановка?

– Без изменений. Он приехал сорок минут назад, машину поставил в гараж. Вот данные о хозяйке дома, – отрапортовал Вася Лешкин.

– А вы чего, Иван Федорыч, развеяться?

– И это тоже, голубь мой. Что-то мне все это не нравится, – пожаловался для проформы Иван.

– Нам тоже не нравится! – подхватил Илья, сидевший за рулем. – Посмотрите данные!

– Смотрю, – буркнул Иван, изучая информацию на экране маленького компьютера, который Вася передал ему.

– Тут копать, Иван Федорыч, не перекопать! – загрустил Илья. – Несколько лет в Америке, три мужа американских, один помер, два других прошли с ней через бракоразводные процессы, а денежек-то она привезла поболее, чем у них отсудила! Вопрос: откуда дровишки? А уж список бывших любовников и занимаемые ими должностные места!!! Без ордера и плевка с самого верха и не сунешься к ней!

– А наш-то что, ныне действующий любовник? – поинтересовался Иван.

– Да вроде не-ет, – специально интригуя, протянул Вася.

Иван знал, что специально, это у него фортель такой, когда быстро информацию добывает, для авторитету и чтобы заинтриговать покруче.

– Мы тут позвонили кое-кому, все равно без дела сидим. Да вроде не то что роман, они и не знакомы.

– Это как же ж не знакомы? – спросил Иван.

Так спросил, для поощрения подчиненного, неустанно трудящегося над увеличением своего авторитета, как Россия над ВВП.

– В светской тусне все друг друга знают, а дамочка наша так вообще оказалась личностью легендарной и выдающейся. Так вот, по утверждению достоверного источника, эти двое даже не разговаривали ни разу. А тут он приехал, она навстречу Ярославной выбежала, и расцеловались в щечки!

К воротам дома, за которым они вели наблюдение, подкатила машина, дрогнув, ворота стали открываться. Из машины быстро выбралась женщина и что-то крикнула, движение тяжелой створки ворот остановилось.

– Ну, что? – повеселел Иван.

Вася быстро набирал на клавиатуре запрос по номеру номерившей машины.

– Ты сразу все остальное запроси, если будет, – подсказал Иван.

– Ива-ан Фе-едрыч! – обиделся Вася.

Полученные данные по приехавшей барышне были интересными, но никуда – вот никакой задницей! – не лезли в имеющийся уже расклад по делу!

Вот же ж!..

Он с самого начала знал, что так и будет! Что все, что вокруг этого дела «интересно девки пляшут», рано или поздно превратится из русского хоровода в ламбаду!

Когда его вызвал к себе Петрович и передал дело, он сразу

скривился.

По разным видам ужимок его лица начальство, а именно Бур, он же Лев Петрович и следующие за именем регалии, мог определить, что там чувствует Иван.

– Что скривился? – грозно, но не страшно спросило начальство.

– Воняет, – ответил Иван и скривился еще раз.

Для наглядности.

Степень «вони» от дела Бур определял по мимике Ивана, а он, в свою очередь, всегда безошибочно угадывал. Еще ни разу не ошибившись.

– Так мы и не озонированием, а фекалиями занимаемся, друг мой, – отчитал повторяющейся миллионы раз дежурной фразой Петрович. – Иди разгребай.

Ну разгребет он, разгребет. Но все равно – воняет!

А теперь эти две непонятные девицы, как два кома с горы на его, Иванову, голову! Откуда они взялись?!

И что между ними общего? Они настолько с разных «дискотек», что теоретически не только пересечься не могли, а даже увидеть друг друга в упор, и гляди ж ты – встречаются, лобзаются!

Надо подумать.

Он уперся затылком в подголовник сиденья и стал перебирать в уме факты, пытаясь вплести этих двух дамочек в общий узор хоть с какой-нибудь стороны.

– Иван Федорович, – смущаясь, что тревожит начальни-

чьи раздумья, шепотом позвал Вася, – похоже, подруга уезжает. А наш подшефный не вышел даже проводить. И встречать тоже не выходил.

– Может, не по рангу, – предположил Илья.

– Или хозяйка его скрывает.

Иван от комментариев воздержался, наблюдая за процессом прощания дамочек.

– Вот что, ребята, поеду-ка я ее провожу. Да и в Москву пора. Вы тут и без меня разберетесь.

– Разберемся! – бодренько пообещал Илья.

Молодой еще.

«Да ладно! – отмахнулся мысленно Иван от этого «молодой». – Все придет!»

Перейдя на соседнюю улицу, где оставил свою машину, он рванул с места, уверенный, что придется догонять, и очень удивился, когда почти сразу заметил объект. Она ехала по поселковым улицам, выбираясь на дорогу, совсем медленно.

«Думает о чем-то, или выпила, или расслабилась?» – по привычке проводил он анализ возможных вариантов.

Когда джип, который он заметил по дороге сюда, завелся и стал выруливать, пропустив ее машину, Иван подобрался, почувствовав запах надвигающегося экшена.

«Интересно-о!»

После того как все три машины – дамочка впереди, за ней джип, а за ним Иван – вырулили на дорогу, ведущую к шоссе, он включил фары и прибавил ходу.

А дальше развернулись какие-то колумбийские дела с поправкой на российскую действительность. Когда Иван увидел, как джип подрезал дамочку на пустынной темной дороге, тянувшейся среди полей, как стрелка вектора заданного направления – тоскливо, однозначно и без помех, Иван слегка опешил от такого поворота событий.

– И что за дела чудесные? – вопрошал он в пространство, съехав на обочину и заглушив мотор. – Что, машинка приглянулась?

И сам себе ответил:

– Да ладно! Караулить в кусточках, жопой к миру, когда миллион раз можно было преспокойненько ее увести, пока хозяйка находилась в гостях и «буренка» стояла под воротами? И людей вокруг никого! Тишь сплошная для дел лихих.

Он наблюдал действо, которое стало разворачиваться по какому-то совсем уж сказочному сюжету – два хлопчика стояли по бокам машины и что-то требовали от ее владелицы, суется и матерясь не по-детски.

– Ну хватит! – Иван вышел из машины.

Ну, ей-богу, какие-то придурки! Еще напортачат что-нибудь или пальнут «от нервов», хрен потом разберешь, что за дела и что им от дамочки надо.

«Понанимают всяких недоумков», – бурчал он про себя, неслышно подойдя к месту событий.

Иван «успокоил» ребяток, отметив, что нервы у них точно ни к черту, а про наличие ума вообще как-то сомнительно

– орут, галдят, кроме дамочки и ее машины, не обращают внимания ни на что вокруг, а то бы давно его заметили, еще когда он у них в «хвосте» пристроился, – дорога-то пустая.

Сунувшись в машину, он слегка опешил – вот никак не ожидая увидеть не перепуганное, паническое выражение глаз, а вполне осмысленный, мало того, с прищуром, пытающийся анализировать обстановку взгляд бойца.

«Молодец!» – мысленно похвалил он девушку, порадовавшись про себя почему-то.

И рванул машину с места, предварительно «представившись».

«А она все-таки молодец – держит удар! Так, и что мы имеем?»

Прислушался к своим мыслям-ощущениям и очень четко понял:

«А хрен его знает!»

А что? Ничего так себе ответ от мыслительного процесса!

«Ладно. Разберемся».

Он увидел в зеркале заднего обзора фары приближающегося автомобиля, сразу, с ходу поняв, что это за машина.

«Быстро они очухались! Надо было успокоить покрепче».

Повернул голову, посмотрел на барышню и бодренько поинтересовался:

– У вас есть неадекватный любовник?

Александра, естественно, тоже увидела свет фар прибли-

жающейся сзади машины. Высунувшись в открытое окно, она разглядела знакомый уже джип, почувствовала страх, кольнувший холодом куда-то под язык – не растаявший до сих пор кусочек азотной заморозки, и резко отшатнулась от окна, словно могла спрятаться в салоне от надвигающейся опасности.

– Я, простите, поинтересовался, у вас имеется в наличии ревнивый любовник? – веселеньким таким тоном, как про бабочек на прогулке, спросил мужик.

– Ага! А также брошенный муж и связь с израильской разведкой! – огрызнулась недобро Санька.

Он засмеялся! Нет, вы представляете?!

Она посмотрела на него, как на чудо-юдо заморское. Обалдеть – засмеялся! Когда их догоняют придурки с пистолетом и вообще непонятно, что за ерунда такая творится, и откуда вообще взялся этот мужик – «Принц! Теперь и на коне!» – и что дальше делать, и кому вообще от нее что-то понадобилось, – он смеется!!

Но-ормально! Зашибись, как говорили ее студенты.

– Вы их не убили, что ли? – возмутилась со всей душевностью Сашка.

– Мадам, – попенял он почти нежно, – вы кровожадны.

– А что им от меня надо? – потребовала Сашка объяснений.

– Я не знаю, – честно и опечаленно признался мужик.

– А вам? – допытывалась она.

– Ничего! – бойко и весело отработовал он.

– Вы еще отсалютуйте по-пионерски! – посоветовала Сашка.

Он глянул на нее и хмыкнул.

– Куда мы едем? – недоверчиво спросила она.

А с чего бы ей быть доверчивой? Сзади ребятушки догоняют, а в ее машине, за ее рулем сидит те-емный-претемный мужик, непонятно откуда взявшийся и нарисовавшийся.

– Вы хотите от них улепетнуть? – веселился темный товарищ.

– С одинаково горячим желанием, как и от вас, – огрызнулась Санька.

– От кого больше?

– Ото всех! – заверила она.

– Да ладно! – примирительно отмахнулся он. – Я же вас спас. И продолжаю спасать.

– Большой вопрос, с какой целью? – выказала недоверие принудительно спасенная дама.

И подумала:

«Придуток какой-то!»

Это от страха, пусть не такого ужасного страха, который тогда сковал ее под дулом пистолета, но все же...

– С исключительно благородной! – отозвался «придуток».

– В смысле благодарного сексу опосля? – не сдавалась Санька, продолжая язвить совсем уж не к месту.

– Фи, как можно! Как вы могли такое подумать! Дама в

беде... – затянул он вдруг гнусавым тоном на одной ноте.

– Все! – перебила Санька. – Я поняла! Просто спасаемся!

– ... любой мужчина на моем месте... – демонстративно «не слыша» ее, продолжил мужик, – только если вы сами... у вас стресс, понятно... и надо как-то успокоить...

– Але, гараж! – проорала Сашка, помахав рукой у него перед глазами. – Тема закрыта!

– ... если это необходимо, в смысле разрядки нервов... я, конечно, могу помочь... – продолжал нести полную лабуду мужик.

– На идиота вы не похожи, – констатировала Санька. – Может, больной? – предположила она.

– ... в том смысле, на который вы намекаете... – не унимался он.

Санька сдалась – ну пусть покуражится. И потом, он молодец, так ее разозлил этим своим дурацким бубнением, что она и про джип сзади позабыла и бояться перестала. Для этого, что ли, весь спектакль?

Она посмотрела на него украдкой сбоку. Кто он такой?! Откуда взялся в самый разгар боя рокового?! И что на самом деле ему от нее нужно? А может, ничего? Может, действительно такой благородный? Шел мимо, увидел, что женщина в сложной ситуации, вмешался?

«Где шел мимо, Саня? Ты что, опупела?! По полям шел, пешком по дороге, ночью? Прогуливался, что ли, воздухом дышал?»

Она еще раз, осторожно так, сбоку скосила на него взгляд – он все что-то там расшаркивался, извинялся – придурок явно!

«Одет дорого, – оценила она, уже более смело рассматривая его, – не просто дорого, стильно. Лет, пожалуй, около сорока. Не видно ни черта! Как он хоть выглядит?!»

– Все, все, успокойтесь, – попросила она, понимая, что весь его бубнеж – просто дурачество, – я даже не слушаю вас, не старайтесь так уж!

Он заткнулся, хмыкнул весело, кивнул.

– Вы понимаете, что происходит? – и, не выдержав, она вывалила все тревожные вопросы кучей: – Почему они за нами гонятся? Что им от меня надо?

– Я не знаю, – ответил он.

– Хорошо! И что дальше? – тоном недовольной, раздраженной жены поинтересовалась Сашка.

– Я не знаю, – в который раз повторил он, – но, судя по тому, как настойчиво они вас преследуют, вы им для чего-то очень нужны.

– Так! – подвела итог Санька и повторила: – Так!

И спросила:

– Вы действительно меня спасаете?

– Ну конечно! – обиделся незнакомец выказанному недоверию.

– Вот мы от них улепетываем, а у вас есть план как? – с настойчивостью следователя из уголовки, которому ну очень

надо выполнить план по раскрываемости, допытывалась она.

– Есть! – кивнул он.

– Обнадеживает! – с сомнением, язвительно заметила Сашка.

Она снова сунулась в открытое окно, джип следовал за ними, но расстояние между машинами не сократилось. Уже большой плюс!

А мужик молодец – очень уверенно и, главное, спокойно ведет машину, причем явно профессиональней, чем те бандюки в джипе. Вернее, не ведет, а гонит и при этом еще болтает с ней!

– Может, вы знаете, что им от вас надо? – поинтересовался он безмятежно. – Деньги, наркотики, связь с мафией, разведанные, измена мужчине или Родине?

Санька оторвалась от наблюдений за преследователями и повернулась к «принцу».

– Подрыв экономики страны, участие в террористических группировках без согласования с Бен Ладеном, сокровища в подполе, алчные наследники, – в тон ему продолжила перечислять Сашка. – Ну что еще? Надругательство своим внешним видом над эстетическими чувствами отдельно взятого богатого дядечки? – предположила она. – Кажется, мы уже что-то подобное обсуждали?

– Обсуждали, – согласился он, – и что, ничего из вышеперечисленного?

– А может, им просто моя машина нужна? – смалодушни-

чала Сашка.

– Нет. Машины так не угоняют, – не дал ей насладиться легкостью решения мужик, – зачем им тогда вы? Нет.

– Нет, – вздохнула она и снова посмотрела в окно.

Оказалось, они уже въехали в Москву, давно свернув с МКАД и каким-то чудом не остановленные на посту ГАИ, а она и не заметила, увлекшись предположениями.

– И что делать? – спросила она, чтобы не молчать и хоть как-то ориентироваться в ситуации.

– Да ничего особенного. Сейчас отделаемся от них и поставим машину на стоянку, где-нибудь подальше от вашего дома. Вы где живете?

– На Большой Никитской, – автоматически ответила Саша и переспросила: – Как это отделаемся? Вы что, каскадер, или мент из уголовки, или омоновец какой?

– Нет, – хмыкнул он непонятным смешком, – я в молодости занимался экстремальным вождением, так что любой «хвост» в городе могу скинуть!

– А как вы оказались там, на дороге? – наконец задала она хоть один продуктивный вопрос.

– Ехал от друзей с дачи, остаться я не мог, у меня завтра, скорее уже сегодня, дела утром важные. А машина заглохла, вот я и потащился пешком до ближайшей заправки. А тут смотрю, такие дела!

Санька покосилась на него – судя по его внешнему виду, машина, на которой он ездит, заглохнуть не может по опре-

делению, но она приняла эту версию. Наверное, от стресса приняла.

– Это хорошо, что вы в центре живете, – как ни в чем не бывало продолжил мужик. – Значит, можно машину на любой стоянке на окраине оставить.

Санька снова промолчала, соглашаясь. На стоянке так на стоянке – уже все равно!

Устала. Вот теперь догнало все! И усталость, и последствия перенесенного испуга!

Так устала, что почти не замечала, как он закладывает все это время немыслимые виражи по полупустынным улицам спального района. Они покрутились в каких-то дворах и переулках, куда-то заехали, остановились, и Александра с удивлением обнаружила, что они находятся на платной автостоянке.

– Где мы?

– В Чертаново. Вам сейчас охранники квитанцию выдадут с точным адресом и телефоном, – растолковал он.

Сашка выбралась из машины и чуть не упала – ноги подкосились в коленках, мышцы тряслись истерично-мелкой дрожью. Мужчина оказался рядом, подхватил ее под локоток и, поддерживая, помог дойти до будки охранников у въезда на стоянку.

Санька как во сне, почти ничего не соображая, сунула свои документы, оплатила охрану драгоценного личного автотранспортного средства и кое-как пришла в себя, когда

они оказались вдвоем на дороге, отойдя от стоянки.

– Спасибо вам огромное, – поблагодарила она и, неожиданно изменив тон, спросила: – Сколько я вам должна за помощь?

Как халдею из кабака.

Он возмутился так ощутимо, что Санька даже зарделась, осознав свое хамство.

– Вы что, офонарели?!

Как-то очень искренне, честно возмутился, как тогда в машине, когда спросил, не испугалась ли она, – искренне, честно и очень по-мужски.

Без дураков и трепа беспредельного.

– Наверное, – призналась Сашка.

И неожиданно для него и для себя самой ухватила его за запястье и потащила вперед по дороге, под фонарь, в центр освещенного пространства – рассмотреть!

Остановилась, развернула к себе и принялась разглядывать.

Он был выше ее на голову – никакой, обыкновенный мужик, худощавый, даже стройный, пожалуй, явно что-то спортивное – торс, обтянутый дорогой стильной майкой, летний пиджак от известного модельера, крепкие мышцы ног в джинсах. Скулы, морщинки возле глаз и на щеках еле-еле, от улыбки, что ли, нос не тонкий, не длинный – нормальный мужской нос, глаза карие, не черные – шоколадные, лоб высокий, темные волосы коротко стриженные – не «ежик»

безумный, а короткая дорогая стрижка.

Нормальный.

Нормальный, просто нормальный мужик.

Симпатичный, нет, не то – интересный по-мужски. Обычный.

Нет. Не обычный!

Обычные сейчас другие – либо сдавшиеся, оплывшие, вечно недовольные всем, либо победившие, сытые, стероидно накачанные, уложенно-упакованные, следящие за всеми своими жестами, словами, движениями – самовлюбленные до забвения.

Этот другой. Естественный.

Не бедный – сразу видно. Не рисующийся. Обычный на первый взгляд.

Странный.

Глаза меняются от темно-золотистого до молочного шоколада.

Странный. Непонятный.

– Рассмотрели? – спокойненько так спросил он.

– Да.

Она что-то совсем уж без сил осталась.

– Спасибо вам огромное, – ну, на искреннюю благодарность у нее еще запас есть. – Без вас я бы пропала!

Домой! Ванну, горячую, с пеной! Можно коньяка, если он есть в доме, от стресса – и спать, спать!!

– Пропали бы, – согласился он без пафоса и выпендрежа. –

И что вы сейчас собираетесь делать?

Санька пожала плечами. Даже это незатейливое движение далось ей с трудом.

Вот как намучилась!

– Поймаю такси и поеду домой.

– Домой? – удивился он искренне.

– А куда же? – в ответ удивилась она.

– Да вы что?! – возроптал мужик. – Вам нельзя домой! Да вас там ждут наверняка!

– Да с чего меня ждать-то!! – возмутилась Сашка посягательствам на свои мечты о ванной, постели и коньяке.

Нет, сначала коньяк, если он есть, а потом спать. Вот в таком порядке!

– Не знаю я с чего! – повысил голос мужик. – Это ваши дела. Но дома вас уж точно будут ждать, раз гонялись с таким усердием!

– Вас как зовут? – уставшим тоном, которым порой разговаривала с нерадивыми подчиненными, спросила Санька. – Елисей?

– Почему Елисей? – сбился с назидания недалекой девице мужик.

– Ну, королевич Елисей, спасает принцессу, и все такое, – предположила Сашка.

– Во-первых, не королевич, а принц, а во-вторых, зовут меня Иван.

– Это тот, который младший из троих? – не удержалась

от намека на стандартную сказочную приставку к данному имени Сашка.

– Не грубите! – предупредил спаситель, улыбнувшись. – Я у родителей один.

По дороге, на которой они так и стояли под фонарем, неспешно пылил задрипанный «жигуленок» явно в поиске ночных пассажиров. Санька махнула рукой, «жигуль» лихо подрулил к ней, и хозяин, выказывая рвение, перегнулся через сиденье и распахнул дверцу.

– Куда?

– На Большую Никитскую.

– Садитесь! – обрадовался ночной «бомбила».

Ну еще бы – центр, значит, хорошо заплатят!

Мужик, обозначенный теперь как Иван, схватил ее за локоть.

– Вам нельзя туда ехать! – сделал он еще одну попытку вразумить Сашку.

– Спасибо вам огромное, Иван. До свидания! – очень, очень по-деловому, как на совещании, ответила она, выдернула локоть из его цепких пальцев, забралась на заднее сиденье, проигнорировав предложенное переднее, и хлопнула дверцей.

Водила быстро рванул с места, опасаясь, что она передумает или ухажер остановит, и бодро, радостно поинтересовался:

– Поругались, что ли?

– Заткнитесь, а? – попросила Санька и прикрыла глаза.

Она зайдет домой, сразу, не разуваясь, шагнет в ванную, пустит воду во весь напор, из обоих кранов, и добавит своей любимой лавандовой соли! Снимет с себя все, затолкает ногой куда-нибудь в угол и заляжет в воду по самые уши! Будет долго-долго лежать и мокнуть!

А потом можно и коньяка тяпнуть, грамм пятьдесят, если он есть, конечно, в доме!

Только бы доехать!

Она откинула голову на спинку сиденья и, запретив себе думать о случившемся, еще раз, теперь смакуя детали, представила свое возвращение домой, в свою уютную квартиру. Этим смакованием предчувствия удовольствия она как бы отгораживалась от ночной проселочной дороги, ужаса, который пережила, и мужика этого, принца-спасителя.

Александра открыла глаза и выпрямилась на сиденье.

– Здесь остановите!

Почему она вдруг решила не тормозить такси у подъезда – всего лишь поворот направо с улицы, немного вперед и влево?

Все из-за мужика этого, непонятного!

Иван. Имя ему не шло, он был какой-то... как бы определить? Европейский, что ли? Русскими просторами от него явно не веяло, и богатырями этой же прописки, и простодушием. Совсем иной типаж.

«Вам нельзя домой, вас там будут ждать!» – передразни-

ла она его мысленно, заодно ругнув и себя за то, что вспомнила эти наставления и вот перестраховывается, и придется теперь тащиться до подъезда...

Порывшись в сумке, отыскала кошелек и протянула водителю деньги. Довольный удачным извозом частник не удержался от комментариев.

Ну еще бы! Как у него вообще терпежу хватило молчать всю дорогу? Извелся, наверное, бедненький.

Сцапав большой лапой деньги и пересчитывая купюры с ловкостью карточного шулера, он довольно поучал:

– Да не расстраивайтесь, девушка! Помиритесь!

Санька, не удостоив ответом, быстро выбралась из воняющего бензином нутра машины.

Ее всегда поражало и очень искренне возмущало это поведение частных извозчиков. Они что, и вправду уверены, что к пакету предоставляемых ими услуг по перевозу клиентов из пункта «А» в пункт «Б» в обязательном порядке, как нагрузка-довесок, прилагаются их довольные, снисходительные беседы с пассажиром?

Или нытье и бесконечные жалобы на жизнь, нехватку денег, правительство, жен, детей, коррумпированных чиновников? С детской непосредственной уверенностью, что сидящий волею случая в их машине чужой, неизвестный им человек обязан разделять их точку зрения и слушать всю эту чухню, выдаваемую с железобетонной уверенностью в своей правоте, а заодно и терпеть эдакую снисходительность в тоне

всезнающего мужика?

При этом машина может быть совершенно зачуханная, раздолбанная, как внутри, так и снаружи, с лоснящимися пассажирскими сиденьями от въевшейся навеки грязи с уни- зительно подстеленными под ноги газетами, чтобы не уби- рать лишний раз; с вонью в салоне – бензиновыми парами, чесночным выхлопом от самого водила, дешевой елкой-озо- натором, подвешенной на зеркале, запах которой доводит всю эту смесь в салоне до апофеоза. С надрывным стоном коробки передач и устойчивым стуком в моторе. И что ха- рактерно – чем раздолбаннее и вонючее машина, тем беспар- донней и наглее хозяин и выше денежные требования.

«Да что это я?! – удивилась своему внутреннему бурча- нию Санька. – Мне-то какое дело? Я на такси-то почти не езжу».

Ее шаги гулко отдавались эхом, которое отскакивало от стен домов, мечась между ними, как заполошный надувной шарик.

Совсем поздно уже. Сколько?

Она посмотрела на экран сотового, который держала в ру- ке, как спасительную гранату – последний аргумент в любых тупиковых дебатах.

Без четверти три! Ничего себе!

Для центра это не имело никакого значения, и на самой Большой Никитской перемещались люди, машины, но стои- ло свернуть во двор, и непрекращающийся гул мегаполиса

с его активной жизнью, никогда не замирающей, ретушировался, замолкал, потревоженный эхом ее шагов.

Домой! Домой!

В уют и защищенность своей квартиры!

Саша прибавила шаг.

Когда до подъезда оставалось метров пятнадцать, она заметила темную машину.

Чужую. Иностранную.

Все обычно стоявшие в их дворе машины она знала как родные – эта была незнакомой.

Сашка сбилась с шага, но продолжала идти. Может, гости к кому приехали? Могут же друзья остаться на ночь? Могут! Или пить до утра?

Ну, могут, конечно, чего пугаться-то?

Передние дверцы машины распахнулись одновременно, издав громкий звук в темноте.

Александра не стала смотреть дальше и думать не стала, а, развернувшись на месте, как волчок, рванула из двора, подгоняемая громким топаньем и матом сзади:

– Стой, сука...!!

Она услышала, как дверца машины хлопнула еще раз, завелся мотор...

«А вот это хрен вам! – на бегу соображала она. – Заехать к нам во двор – пожалуйста! А вот развернуться и выехать – проблема!»

Уж она-то знала!

Сашка бежала быстро, так быстро, как могла, позабыв про каблуки, усталость – про все позабыв, и выскочила на улицу, как пущенный из пращи камень – ее даже занесло на повороте.

«Что дальше?!»

Она неслась, не выбирая направления, подгоняемая в спину матом и приближающимся топотом ног.

Куда?!

Может, в ресторан какой забежать? Не будут же они ее там скручивать по рукам и ногам на глазах у публики?

И поняла – будут!!

И никто слова против не скажет, разве что охрана нежно и ненастойчиво попросит освободить помещение, и в милицию не позвонят! Зачем? В этом безумном городе полно больных на голову людей, выделяющих такие кренделя спьяну, или обколовшись, или накурившись, или от ощущения безнаказанности ввиду имеющихся за спиной денег и связей. Что ж теперь, из-за каждого разбушевавшегося идиота или идиотки ментов звать?

Может, она от мужа или любовника богатого сбежала, и его охрана возвращает блудную пассиву домой? А может, из проституттского «питомника», не заплатив сутенеру!

Да мало ли что можно предположить, только чтобы не вмешиваться!

Между прочим – бог его знает, что за девку тут ловят? – вмешаться, можешь и сам по мордасам схлопотать!

Все эти мысли летели у нее в голове очень, очень быстро – со световой скоростью.

Куда?!

Орало, вопрошало, тряслось страхом у нее внутри!

Куда?!? Где спрятаться?! Как?! Куда бежать?!

Возле нее, сбросив скорость, но не останавливаясь, притормозила машина. Сашка отшатнулась в сторону, перепугавшись чуть не насмерть!

Догнали?!

Дверца пассажирского сиденья распахнулась на ходу, и из машины проорали:

– Садись!! Быстро!!

Не понимая, кто это, что это, откуда, она интуитивно почувствовала, что это ее единственный шанс на спасение. Ухватившись за распахнутую дверцу, она скакнула внутрь, преобольно ударившись коленкой, неуклюже, кое-как затолкав себя внутрь, хлопнула дверцей и сразу же высунулась по пояс в открытое окно, посмотреть на своих преследователей.

Машина рванула, мгновенно ускоряясь после ее неэстетичного загрузки, и преследователи, двое, остановились, во все горло обещая ей вслед массу «приятностей» при следующей встрече, подкрепляя свои слова жестами.

Ага, значит, второй «кавалер» из двора не смог выехать и присоединился к напарнику ножками!

Оравших она хорошо рассмотрела – это были не те из джипа на дороге, другие.

«Что-то меня сегодня матерят и многое обещают на этом сленге!» – неуместно хихикнула Санька, провожая взглядом преследователей.

Ну и слава богу!

Еще не остановившись, продолжая быстро двигаться и бежать где-то в подсознании, она развернулась к водителю и стукнулась локтем о торпеду. Зашипев от пронзившей всю руку, как током, боли, Сашка схватилась за локоть и подняла наконец глаза на спасителя.

– Вы!!!

– Я, – подтвердил давешний принц, по имени Иван.

– И на коне! – ляпнула ошарашенная Сашка.

– А принцев без коней не бывает! – радовался чему-то мужик. – Без коней какой принц-то? На крайняк и на волке можно!

– И откуда дровишки? – полюбопытствовала Сашка.

– Ну откуда они обычно бывают, вестимо?

– Что, ваша страдалица сама починилась и из полей при-мчалась?

«Как-то полей у меня сегодня чересчур! То Лилькины домашние просторы, то бой в полевых условиях, то спаситель, из них образовавшийся сказочным образом, теперь вот и машина, тоже сказочным!» – понемногу остывая от перепуга, стресса и бега, подумала Сашка.

– Да нет! – продолжил радоваться жизни Иван-царевич. – Моя стоит там же, где я ее оставил!

– В поле, на дороге?

Опять эти поля! Может, с головой что-то от страха?

– Ага! – подтвердил он.

«Чему он так радуется? Точно – придурок!»

– А эта?

– Угнал! – ухарски бодро отрапортовал он, сверкнув на Сашку золотистым глазом.

– Что сделали?.. – совершенно обалдела она.

– Угнал, – довольно повторил он. – Надо же было вас спасать как-то. Опять.

Сашка смотрела на него, как взрослые смотрят на балаганного Петрушку, не понимая, почему дети заходятся смехом от его незатейливых шуток.

– Вы криминальный элемент? – поинтересовалась Санька.

Он хохотнул. Что-то он всю дорогу похохатывает, так, по-мужски, низким глухим, коротким смешком.

Он неожиданно процитировал:

– «Я народный элемент, у меня есть документ...»

Совершенно сбита с толку Сашка автоматически закончила за ним цитату, думая совсем о другом:

– «Я вообще могу отседа улететь в любой момент!»

– Ого! – обрадовался еще больше Иван-царевич. – Вы знаете Филатова!

– Вы что, ее действительно угнали? – переспросила она, проигнорировав его радость.

– Да.

– Зачем?

– Я же не смог вас остановить, когда вы рванули домой, хотя было понятно, что вас там будут ждать!

– Да с какой радости?! Зачем я кому-то далась на самом-то деле?! – разоралась вдруг Сашка.

– Я не знаю, – серьезно, совсем иным тоном, без намека на балагурство, ответил он. – Вам лучше знать, но кому-то вы очень понадобились в срочном порядке. Может, обсудить дела насущные в «дружеской» беседе, может, для чего другого, но, судя по настойчивости, с которой вас приглашают на randevu, вполне логично и понятно, что домой вам соваться нельзя было.

– Ну, значит, я тупая! А вам-то какое дело до всего этого?! Зачем вы встряли, вон еще и машину угнали! От излишнего благородства?! – орала она, не осознавая, что перешла на крик.

– Пожалуйста, – хладнокровно, с некой мужской отстраненной безгливостью ответил он.

Сашка замерла, оценив в полной мере, что орет на человека, который ее спас. Дважды. Кем бы он там ни был.

Истеричка! Тупица! Дура!!

– Остановите, – попросила она.

А что, извиняться?

Высмотрев место для парковки – слава богу, такое возможно в центре в три часа ночи, он остановил машину и даже заглушил мотор.

В салоне повисла, клубясь по углам и давя на затылок, тяжелая тишина. Сашка думала, он ей не мешал и молчал, ожидая.

Она сложила ладошки в замок и прижала к груди, как школьница, которую в очередной раз обидел незаслуженно мальчик от большой и тщательно скрываемой любви.

– Мне надо разобраться, что происходит. Все разворачивалось очень быстро, да еще моя вечная усталость, я думала, что завтра обдумаю случившееся. Вот выплусь и разберусь.

Александра развернулась к нему всем корпусом, продолжая жалостливо прижимать сцепленные руки к груди. Он смотрел на нее, и выражение его лица было странным – смесь сочувствия, снисходительности и где-то в глубине плавящегося шоколада недоверия.

– Вы должны мне помочь! – решительно заявила Сашка.

Он поднял вопросительно брови – еще помочь?

Находясь вся внутри своих переживаний, страхов, Сашка не заметила его реакции, опустила, расцепив, руки на колени и посмотрела прямо ему в глаза.

– Я прошу вас, пожалуйста! Помогите мне в рассуждениях! Нельзя же просто тупо убегать!

– Можно, – перебил он, – если очень припечет, то можно и нужно тупо убегать!

– Ну, будем считать, что ненадолго мы убежали! – и вдруг неожиданно спросила: – Как вы смогли угнать машину? Вот так просто? Вы в этом бизнесе подвизаетесь?

От неожиданности Иван сбился с волны, на которую настроился, на которую она его настроила своими сжатыми ладошками, уставшим измученным лицом, решительностью и просительно-настойчивым тоном.

Она его заинтриговала. Сразу.

Понравилась. Включила сексуально-интригующий моторчик, как включается он у любого нормального тридцатидевятилетнего, здорового во всех отношениях мужика при встрече с интересной женщиной. А тут еще гарниром к основному блюду и работа, и неожиданность ситуации, в которой ему пришлось выступать в пошлой до тошнотворности роли героя-спасителя, и ее нестандартное поведение, и все «нельзя», потому что работа, и все, что он уже знал о ней, прочитав ее данные. И хоть он видел ее фотографию на компьютере и наблюдал, как она выходила из машины и садилась в нее, но, столкнувшись взглядом в непосредственной близости первый раз, почувствовал странную смесь эмоций.

Усаживаясь в ее машину, он был уверен, что в первую очередь надо вывести дамочку из ступора и остановить истерику с паникой, и обалдел! Она сидела в весьма интригующей позе – с расставленными ногами и торчащей между ними ручкой коробки передач, и вид у нее при этом был совершенно царственный – холодный, рассудительный, отстраненный.

Он рассмотрел ее всю в одно мгновение. Короткая стильная стрижка с оставленными кое-где длинными прядками,

цвет волос – сразу видно, родной, естественный – темный, теплый, с рыжим отливом. Не голубые, не серые, а очень светлые, какие-то балтийские глаза, тонкий нос и офигенные губки – вишневые, без тени помады, она вообще была без какого-либо макияжа. Тонкие брови, которые она все время хмурила, и маленькая морщинка, уже образовавшаяся между ними.

А фигурка – класс!

От новомодных глянцевого журналов с их трактовкой «правильных» и идеальных женских форм ее отделяло килограммов пять, великолепно распределенных по аппетитной попке, полным грудям и мягким линиям.

Э-эх!! Скорбно, потому что нельзя!

А ведь все это – балтийские глаза, сдвинутые бровки, груди, попка, рыжая, слегка выцветшая от солнца длинная челка, которую она то и дело откидывала назад умопомрачительным жестом, – все это двигалось, дышало, пахло женщиной и наитончайшими дорогими духами, в придачу к тому же обладало убойным юмором, силой воли и разящей язвительностью.

Она принимала каждый его пас, каждую подачу и жестко, сильно, уверенно отправляла назад. Он балдел от словесной пикировки и получал удовольствие от достойного противника в язвительном дурашливом поединке.

Опупеть!

Конечно, он помнил, что данная барышня, может быть, по

самую макушку замешана в чем угодно, и еще более непонятно, каким боком она неожиданно образовалась в их деле, да еще подверглась попытке похищения.

И тем не менее, лихо закладывая виражи по улицам, уходя от хлопцев в джипе не без излишней рисовки – вот как она его завела, – он испытывал такую радость от своего ухарства, от неожиданного удовольствия обмена язвительно-балагурскими замечаниями, что, видимо, расслабился.

Она нахамила, извинилась, бесцеремонно рассмотрела его под уличным фонарем, пресекла все попытки остановить и, хлопнув дверцей, умотала на дребезжащем «жигуленке».

Ну и кто, спрашивается, был в стрессовой ситуации? Он или она? И на чьих умственных способностях данная ситуация отразилась?

Послав подальше все свои встрепенувшиеся мужские инстинкты, он сказал себе все, что положено, в весьма конкретных выражениях, не забыв пройтись по теперь уже вызывающим сомнения ее мыслительным способностям.

А он был уверен, что умная. Ошибся, что ли?

Он позвонил мужикам, описал ситуацию, приказал отогнать его машину, когда получится, позвонил Буру, отрапортовав.

Ну что ж, надо снова выручать девку шальную.

Когда он повернул на Большую Никитскую, сразу увидел ее птицей летящей по улице. Иван вздохнул тяжело – а кто сомневался!

Ох, бабы, бабы! Даже самые умные из вас бывают порой непроходимыми идиотками! Извечное противостояние «Мэ» и «Жо».

И все бы ничего – барышню спасли, и приструнили, и даже позволили себе снисходительность мужскую. И вдруг вот так – с бухты-барахты, без перехода от сцепленных лапок у груди и страдальчески наморщенного лобика:

– Вы в этом бизнесе подвизаетесь?

Ну не девка, а...

– Нет, не там, – быстро пришел он в себя, – я уже вам говорил, что по молодости увлекался экстремальным вождением и всем, что связано с машинами. В принципе я могу вскрыть любой автомобиль.

– Ну да, – не поверила она, – а по старости это стало делом вашей жизни? И вы можете вскрыть даже такой джип со сложной сигнализацией?

– Даже такой, – не дал развить тему его трудоустроенности Иван. – По-моему, вы хотели поговорить о другом?

– Да, – сбилась с ернического тона Сашка, сразу отвлекаясь от расспросов. – О другом.

И вновь удивила его неожиданным поворотом разговора:

– Нам, наверное, надо познакомиться, «Иван» – это как-то маловато для знакомства.

– Я хотя бы Иван, а вы все еще незнакомка.

– Да, неправильно, – согласилась Сашка и протянула ладошку для рукопожатия. – Александра Владимировна Рома-

нова.

Он принял ее ладонь, слегка сжал холодные тонкие пальцы.

– Иван Федорович Гуров.

Представился.

Они посмотрели друг на друга, она вытащила ладошку из его руки и перевела взгляд вперед, на улицу.

– Может, где-нибудь кофе выпьем? Так разговаривать удобней. И вы не будете больше косить под идиота, – попросила Саша.

– Не буду, – пообещал он и завел машину.

А она в который раз лихо заложила вираж разговора. Он уже начал привыкать.

– Вы извините, если я грублю, язвлю, излишний снобизм проявляю. Я не привыкла с людьми общаться, в том смысле, что помимо деловых, в личных отношениях.

– Извиню и приму к сведению, но это странно, – ответил он, вглядываясь в витрины, мимо которых они неспешно проезжали.

– Что странно? – уточнила она и напряглась.

Сейчас начнет умничать, говорить всякие прописные истины, глупые комплименты!

– Вы молодая, интересная женщина, вы же, наверное, не только работаете?

На глупые комплименты это не тянуло. Уже хорошо!

Сашку всегда раздражало, когда окружающие излагали

свои убеждения о том, как надо жить. По стереотипу – должно быть так, и точка! А все, что не так, – не может, не должно, права не имеет быть! Например, что незамужняя девица нигде не бывает, ни с кем не общается и так далее.

Ух, как она это терпеть не могла!

– Вот, по-моему, вполне приличное заведение, – отвлек ее Иван. – Вы здесь бывали?

Сашка наклонилась вперед к лобовому стеклу и рассмотрела вывеску кафе.

– Бывала. Вполне сойдет.

Они устроились возле огромного витринного окна за столиком на двоих и заказали по чашке кофе, отказавшись от предложенного официантом спиртного и творческих успехов шеф-повара заведения в виде фирменных блюд. Только кофе.

– А может, вам хлопнуть? – заботливо поинтересовался товарищ Гуров. – Все-таки у вас стресс.

– Нет, – отказалась Сашка, – мне думать надо!

– Тогда излагайте, что надумали, – ненавязчиво, но все же поторопил он ее.

– Да! – Сашка сделала глоток кофе. – Думаю, надо начать рассуждения от печки, так сказать. А именно: какие могут существовать причины для похищения человека? Это либо деньги, либо месть, либо какие-то межличностные отношения.

– Нет, – не согласился он, – нет, Александра, это почти

всегда деньги, в девяноста пяти процентах из ста.

– В смысле?

– Видите ли, – пояснил он, – в девяноста пяти случаях из ста всех криминальных действий, всех уровней, от разборок бомжей до геополитических, это деньги или материальные вопросы, в остальные пять процентов входят межличностные претензии, в том числе и месть. Власть – это к пункту первому. Убой друг друга после распития на кухне сильно алкогольных напитков и сигание с десятого этажа от большой любви мы с вами не рассматриваем, я думаю.

– Нет, не рассматриваем, – согласилась она, – значит, деньги или месть.

По большому счету она сейчас делала за него его работу – с воодушевлением, подогреваемым, как в печке котелок, непосредственной угрозой ее жизни, пыталась понять, что и кому могло от нее понадобиться. А заодно помогала ему сообразить, с какого она и Лилия Иванова боку к его делу.

– Тогда от печки, – предложил он. – У вас есть богатый муж?

– Нет.

– Любовник или бойфренд?

– Нет.

– Богатые родители?

– Нет.

– Вы чиновник высокого уровня. Из тех, через которых проходят многомиллионные деньги и решения?

– Нет.

– Какие у вас доходы?

– У меня своя, частная фирма, уже семь лет.

– С какими оборотами? – Он поймал себя на том, что ведет разговор в форме допроса, и сбавил напор и тон. – Я имею в виду: достаточно ли интересна ваша фирма конкурентам или людям, желающим ее заполучить?

Александра напряглась от тона и формы его вопросов, расслабилась немного, когда он пояснил, о чем спрашивает, и призадумалась.

– Ну, естественно, она интересна и конкурентам, и просто желающим что-то заполучить. Фирма небольшая, но имеющая свою марку, имя, налаженное производство, постоянных клиентов и довольно известная в своих кругах. Мы занимаемся косметическими средствами – шампуни, кремы, гели и все в этом русле, а еще продаем составляющие компоненты, основы для косметических средств, другим фирмам, даже известным. С конкурентами мы не толкаемся, все давно и прочно заняли свои ниши, имеют свою клиентуру, с рэкетом, бандюками и ментами давно разобрались, расплатились и полюбовно, довольные друг другом, распрощались. Время теперь другое, хотя всякое еще бывает. Обороты приличные, но весьма далеки от безумных каких-то, я ж не нефтью занимаюсь! Так, средний бизнес, к криминальной фармакологии я никогда отношения не имела, предложений навязчивых последнее время не поступало, – рассуждала вслух Санька.

– А когда поступали и какие? – живо поинтересовался Иван Федорович.

– Да поначалу каких только не поступало! От простодушных «сдаться и не выступать» до интеллигентных «работать на паях».

– Не сдались? – улыбнулся он, блеснув глазами.

От радости, что ли?

– Ща-а-с!! – пообещала язвительно Сашка.

– Значит, выстояли?

– А-а! – махнула рукой неопределенно Саша. – Что теперь об этом говорить, дела давно минувших дней!

– Так, а строили и вели к процветанию фирму вы одна? Партнеры были?

– Нет. Одна. Всегда.

– Из всего вышесказанного следует, что вы считаете, что у вас не тот уровень бизнеса, чтобы вызвать чей-то жгучий интерес так жестко «угговорить» вас все отдать? – подвел итог своим расспросам и ее ответам Гуров.

– Иван Федорович, я не знаю, чем вы занимаетесь, подозреваю, что не картошку окучиваете, но все же думаю, какое-то представление, и скорее всего не умозрительное, о нашем российском бизнесе имеете.

Сашка посмотрела на него в ожидании утвердительного ответа. Но он никак не отреагировал, даже не кивнул – смотрел на нее с интересом, и все.

Ладно.

– Никто не будет ни с того ни с сего вот так просто похищать человека, чтобы заставить его отдать бизнес или поделиться, – продолжила она свои пояснения. – Во-первых, это не такая уж простая процедура в плане документального оформления, а во-вторых, это делается совсем по-другому. Сначала придет какой-нибудь адвокат или непонятный представитель кого-то, изложит «пожелания» и предложения, потом вам напомнят об этом несколько раз по телефону, не забыв припугнуть, параллельно начнется прессинг всяческих инстанций, неприятности от мелких до глобальных. Словом, запустят обычный в таких случаях механизм, суть которого сводится к одному: у кого окажутся нервы крепче, связи круче, и денег хватит на всю эту кутерьму. И это в лучшем случае! В худшем: хоть я делаю все, чтобы не подставиться, но бизнес есть бизнес, и если в одно далеко не прекрасное утро кто-то решит, что ему нужна моя фирма, и натравит на меня рейдеров, то я прекрасно отдаю себе отчет, что меня вполне могут сожрать, а я потом запарюсь в судах доказывать, что я собственник. И пока я бегаю по судам, фирму тем временем перепродадут пару раз так называемому добросовестному покупателю, и пишите письма! И все это банальней, наглей, более действенно и для рейдеров безопасней, чем похищать, пытаться, заставлять что-то подписывать! Да и отработано уже не один раз, не дает сбоев, и не надо разборок с ментами!

– Саш, – вдруг перебил он ее монолог спокойным, снис-

ходительным тоном, – не нервничайте вы так!

Сашка внутренне остановилась, словно на стену налетела.

– Да, – и повторила: – Да.

Допила остывший кофе. Горько и невкусно, холодный кофе почему-то всегда невкусен. Станный напиток: горячий – замечательно, холодный – гадость!

– Из вашей эмоциональной речи я понял, что никаких таких предложений вам не поступало? – вернул ее к продуктивному разговору Иван.

– Правильно поняли. Даже намеков отдаленных не было.

– Хорошо. Идем дальше. Кто наследует ваше имущество в случае вашей смерти? Дети? Муж? Родители?

Сашка уставилась на него удивленно, даже пару раз хлопнула глазами от неожиданности, как филин.

– Никто, – растерянно ответила она, – мама, наверное.

– Завещания нет?

– Нет.

– Может, вас хотели заставить написать завещание с последующим вашим устранением? – предложил он версию.

Санька задумалась. Покрутила головой в поисках официанта, увидела, махнула ему рукой и заказала еще кофе, когда он подошел к их столику.

Надо подумать, вот так сразу и не ответишь. Она не заметила, как перед ней оказалась чашка горячего кофе, сделала глоток, обожглась и удивилась.

Ах да!

– Моя мама отсудит все и у всех, кому бы я чего ни завещала!

– По ныне действующему законодательству она сможет отсудить только половину. И мама ваша не препятствие, раз у вас нет других наследников. Она ведь не молода, и если кто-то решил действовать с вами подобными методами, то ваша мама – это так, семечки.

– Да господи боже мой! – возмутилась громко Сашка. – Да на хрена такие сложности?! Красть меня, убирать маму! Это же больших денег стоит – нанимать кого-то для исполнения, озадачиваться результатом и реализацией плана!

Она возмущалась громко, так что оборачивались многочисленные ночные посетители в зале, но Сашка не видела ничего вокруг. А он смотрел жалостливо и молчал, давая ей пошуметь.

«Нет, странный он все-таки какой-то!» – подумала Сашка и вмиг успокоилась.

– Извините.

– Да орите на здоровье! – разрешил Гуров. – Но лучше бы вы коньку выпили, помогает стресс снимать.

– Да не хочу я коньку! Я разобраться хочу, понять хоть что-то!

– В таком случае, – очень жестко, резко сказал он, – возьмите себя в руки и думайте!

– Беру! – последний раз громко, как обиженная девочка, которую загоняют домой за уроки, пообещала Сашка.

– Примем за версию номер один завещание, – вернул ее на дорогу рассуждений Иван, – такое возможно?

– Ну, возможно, наверное, – согласилась она. – А версия номер два?

– Вас пытались похитить с целью выкупа. Банального и пошлого.

Сашка посмотрела в несмеющиеся золотисто-шоколадные глаза, а ведь...

«Выкуп?» – задала она вводную мыслительному процессу.

Задумавшись, посмотрела в окно, перевела невидящий взгляд на чашку с кофе, допила, поразглядывала гущу. Кофейная гуща не дала никаких ответов, Сашка нашла их сама.

– Сколько за вас могли потребовать? – поторапливал он ее вопросами.

– Не знаю. А сколько сейчас требуют?

– Александра! – расстроился он.

Что, неужели у нее заряд кончился? Да не может быть! Иван был уверен, что она сильнее. Намного!

– Соображайте! – потребовал он. – Что вы растерялись и думать перестали!

Сашка посмотрела на его недовольное лицо. Действительно, что это она растерялась?! Это ведь ее проблема и ее неприятности, свалившиеся невесть откуда. И каким бы необычайно благородным ни был Иван Федорович Гуров, он совсем не должен сидеть здесь среди ночи, выслушивать ее и подтирать за ней что бы то ни было – проблемы, сопли,

страхи и ее идиотизм!

– Значит, так! – начала она деловым тоном.

Собралась в три секунды, наподдавав себе мысленно, и в голове у нее все выстроилось в логический ряд по данной версии.

– Отвечаю!

Он восхитился про себя. Не так чтобы сильно – в меру, но все же восхитился!

Она откинула челку назад, зло сверкнула балтийскими глазами и вернулась в привычное для нее состояние язвительной, умной, надменно-отстраненной женщины.

Молодец!

– Меня бесполезно красть для выкупа. Никто бы ничего за меня не дал.

Оп-ля! Это как же? А он только позволил себе немного расслабиться.

– Как это? А ваша мама? Друзья, сотрудники, родственники? Любимый?

– Любимого нет, ни богатого, что мы уже обсуждали, ни бедного, никакого, – четко, как на экзамене, отвечала она, – друзья не в счет по разным причинам, но нет! На работе никто, кроме меня, не может распоряжаться средствами, замой имеет ограниченные права и вытащить требуемую сумму не сможет. Я понимаю, что меня могут заставить подписать любые документы, но и это не пройдет. Когда я начинала, меня «крышевали» и бандиты, и менты. Со стороны ор-

ганов это делал мой бывший одноклассник, и мы сохраняли пусть не дружеские отношения, но неплохие. Он мне давал довольно дельные советы. По одному из его советов, в моих документах во всех инстанциях оговорен пункт, что заверять все деловые бумаги имеет право только один конкретный нотариус. В случае его смерти или ухода от дел – его правопреемник из той же фирмы. Если я предоставлю документ, заверенный другим нотариусом, то это является поводом для обращения в органы. Это условие специально было оговорено, чтобы избежать таких вот случаев, я уж точно не помню, оформляли все юристы, но знаю, что никакие документы, предоставленные не мной лично и заверенные черт-те кем, не проканают. Потом, у меня штат юристов, которые так просто не дадут провести ни одну бумажку. В любом случае мы возвращаемся к тому, что сразу же будет привлечена милиция.

Она перевела дыхание и завершающим аккордом добавила ему поводов для раздумий:

– И мама за меня денег не даст и ничего делать не станет. Вот вам и здрасте! Что ж там за мама такая?

– Я уверена, что когда планируется данный вид вымогательства, то похитители узнают все об объекте, а потом действуют. Поэтому, думаю, версию номер два мы можем с вами смело отбросить.

– Не думаю, – не согласился он с ее категорическим утверждением. – Саш, всегда есть возможность и схемы, как запо-

лучить деньги в обход, тем более если человек находится в руках у вымогателей. Да вы сами им подскажите, когда пытаться начнут!

– Возможно, но похитители должны понимать, что в моем случае будет привлечена милиция. И от меня это уже не зависит. Мне кажется, что версия с похищением для выкупа весьма сомнительна. Что вы еще можете предложить?

Тонем, которым королева дает понять смущенному ювелиру, что бриллиант, который он ей предлагает, для нее оскорбительно мелковат. Видимо, не все так отболело про маму, как она представляет внешне, да и про друзей непонятных. Например, Лиля Иванова.

– Да все то же, – отозвался «пристыженный ювелир». – Обидели какого-нибудь злопамятного и достаточно богатого любовника или кандидата в оные?

– Нет, не отказывала и не бросала! – холодно отрезала она. Спыхватилась, вспомнив, что он-то тут ни при чем и вообще герой сегодняшнего бенефиса – спасает, помогает, выслушивает! И кинулась оправдываться:

– Мы сейчас запускаем новую линию, поэтому у меня ни времени, ни сил, ни черта нет, чтобы заниматься еще и амурными делами! Мне выспаться некогда уже много лет! – пожаловалась она не пойми кому, ну не ему же!

– Подведем итог, – не выказал сочувствия господин Гуров, – из всего сказанного следует, что вы даже отдаленно не представляете, кому и зачем понадобилось вас похищать. Я

правильно понял?

– Правильно.

– Может, вы каким-то образом были или сейчас замешаны в криминале? Я не спрашиваю, понимая, что незнакомому человеку, да и знакомому тоже, вы не признаетесь. Да и не надо! Я предлагаю вам самой обдумать этот вариант.

– Да нечего думать! – попыталась возмутиться Сашка.

На полноценную эмоцию сил не хватило, так что получилось что-то вроде сипения придушенной кошки.

– Абсолютно, двести пудово нет! Нет и все, без вариантов!

– И что у нас остается? – невозмутимо спросил он, никак не прореагировав на праведное Сашкино шипение.

– Только вариант с завещанием. И то все это туманно, уверена, что это не так делается.

– А как делается? Вы точно знаете? – начал заводиться он. Тоже устал, наверное.

– Да не знаю я! Но как-то все это слишком путано! Пытались меня утащить вместе с машиной, ждали у дома! И получается, что замешано в этом не менее четырех человек. Что их, банда целая? А если не банда, то даже я представляю, сколько стоит оплатить слежку, преследование! Да и нелогично! Вот на кой ляд гоняться за мной по дорогам, когда можно проникнуть в квартиру, сейчас даже ребенку известно, что вскрыть можно любой замок, а у меня самые простые на дверях стоят! Спокойно меня дождаться, а там... засовывай паяльник куда хочешь, и без экстрима можно пару раз

навалить, и завещание в руках! Завещание я могу у любого нотариуса подписать, к рабочим документам это не относится! Я же не партизанка на допросе! Я от боли и страха любую бумагу подпишу и расскажу что угодно, хоть о фрейдовских отклонениях папы римского!

Он-то сразу смекнул, что на дороге ее тормознули не самые крутые ребята, так, средней руки, и, скорее всего, приказ у них был вытащить ее из машины, засунуть в джип и доставить по определенному адресу, но жадные в своей ограниченности исполнители не смогли бросить хорошую тачку – тоже ведь бабки!

Она была права во всех своих возмущенных выводах – ни черта не ясно, на кой она кому-то сдалась, да еще так, да еще если помнить, что оказалась в непосредственной близости от интересующего его объекта.

Или случайность? Да ладно!

Вот же грехи наши тяжкие!

И не имеет значения, что она ему нравится, очень, и зацепила чем-то, всем, но... Но какую-то роль она играет в деле, и придется в этом разбираться!

А между прочим, он тоже мечтает выспаться, и давно!

В данный момент желание неисполнимое, из разряда несбыточной мечты, потому как возникла необходимость срочно решать насущную проблему.

Он усмехнулся:

– Александра, нам придется сматываться. Прямо сейчас.

– Как? Почему? – переполошилась Сашка.

Он кивнул головой на окно, Сашка проследила за его взглядом и увидела паркующуюся за джипом, на котором они приехали, машину. Ту, что стояла возле ее дома.

– Ваши поклонники нас обнаружили, – пояснил Иван. – Это было несложно, далеко мы не уехали, номер они запомнили. Покрутились по округе для порядка и натолкнулись.

– Твою мать! – ругнулась Сашка.

– Ничего себе! – порадовался Иван Федорович и «пожурил» цитаткой из фильма: – «А с виду интеллигентная женщина!»

– Не умничайте! – огрызнулась Санька, приходя в бойцовое состояние.

– Прелестно-о! – порадовался он и, кардинально сменив тон, приказал: – Все! Ходу!

И зацепив ее железной хваткой за руку, сорвался с места, увлекая Сашку за собой.

И в этот момент, когда он дернул ее со стула, она абсолютно точно, с ясностью прозрачной небесной синевы, поняла, что ему от нее что-то надо! И оказался он там, на дороге, не просто так, и ввязался в эту историю не потешить свое рыцарское благородство, не порисоваться перед самим собой, и уж тем более не в расчете на какой-то возможный благодарный секс, замешенный на адреналине и все том же мужском самолюбовании! Нет!

Нет, был у него какой-то свой интерес ко всей этой завер-

тевшейся карусели и к ней, Александре Романовой.

Она осознала это мгновенно, как будто водки стакан махнула, приняв со всей ее горечью просветление ума.

И сразу все изменилось внутри нее, и вопросов стало больше, чем было до сих пор, и на него она посмотрела совсем по-другому, и разглядела иного, не такого, которого видела до сих пор.

«Ладно, – решила Санька. – В данный момент надо сбегать от более реальной угрозы! Хотя, может, он и есть самая реальная угроза? Но с этим я потом разберусь!»

Она не будет сейчас даже предполагать, для каких целей и интересов она ему понадобилась! Повинуясь тянущей за собой сильной руке – через зал, лавируя между столиками, он на ходу отдал деньги официанту, что-то у него спросил и потащил ее дальше – через кухню, к черному ходу и на улицу. Саша бежала за ним и пыталась расставить все по порядку в голове, как могла.

«Первое, надо где-то отсидеться! Второе, постараться понять, что к чему и какие шаги предпринять! Третье... А что у меня третье? А, потом! Давай, Александра, осуществи пункт первый, добавив к нему хоть немного сна!»

Ей бы только передохнуть немного, и она начнет соображать, а с тобой, Гуров Иван Федорович...

Посмотрим.

Что ж ты за гриб такой, который, как известно, не растение и не животное?

И что бы это значило?

Каким образом самая простецкая, банальная операция вдруг вышла из-под контроля? Он ругал себя – который уже раз! – не надо было нанимать этих полудурков!

Кретины!

Захотелось им еще и машину прихватить!

О господи!

Без этой Романовой весь его план, все, что он так долго, тщательно – годами! – строил, летит к черту!

Он налил себе еще порцию виски и выпил одним большим глотком, не почувствовав вкуса. Размахнувшись, со всей силы запустил пустой бокал в стену, уступив kloкочущей ярости внутри.

– Идиоты!!

Это же так просто, как детская игра в песочнице, – на пустой, темной проселочной дороге двум здоровым козлам с пистолетом выволочь женщину из машины, затолкать в джип и привезти куда приказано!

Мелкая, вонючая жадность испортила всю разработанную схему!

Он рванул на себя дверцу бара с силой, от рывка затрещали надежные медные петли, выхватил чистый бокал и налил до половины виски, раздраженным движением крутанув крышку с бутылки так, что она улетела куда-то, проскакав по паркету.

А те, которых он послал к дому!!

Он ненавидел до звенящей ярости внутри этих гоблинов с их тупой самоуверенностью, причислением себя к хозяевам жизни, основанной на причастности к криминалу и наличии оружия в кармане.

Быдло, тупое, мелкое! Смердящие своей узколобостью, жадными грязными руками, тянущимися ко всему, что можно украсть, урвать, отнять!

Он дал четкие указания, выверив план посекундно, до мелочей!

Он забыл отвести в своем просчитанном плане зазор на тупость, неумение выполнять приказы и непомерную жадность быдла. И лень!

Сказано было тем: не сидеть в машине у подъезда – рассредоточиться, один возле квартиры, другой у подъезда.

Его даже подташнивало, и он знал, что не от виски, а от брезгливости.

Надо взять себя в руки!

В ярости невозможно думать, а думать надо... Ой как надо, четко, быстро, от этого зависит все: и прекрасная красота задуманного и практически осуществленного детища, и деньги, настоящие, те, что можно назвать деньгами с почтением, с большой буквы, и его жизнь.

Теперь и его жизнь!

Он много лет шел к этому – годами, годами! – кропотливо, шаг за шагом, шел к своей цели. Он выстроил и спланировал

все красиво, талантливо и любовался построенной схемой, своими достижениями!

И на последнем, решающем этапе такие неприятности, и только потому, что он нанял это говно!

Но он не мог обратиться к другим, более компетентным и профессиональным людям, с которыми привык работать, – не мог! У этих своя этика и цеховые договоренности, даже у одиночек высокого уровня, его бы сдали сразу, и не за деньги, а именно в силу того самого профессионализма. Пришлось прибегнуть к отморозкам дешевым.

Без этой Романовой он попадет так!.. Те люди, которых он задействовал, и долго обрабатывал, и которым дал гарантии, – они ни ждать, ни шутить, ни слушать его не будут – прихлопнут, как букашку надоедливую, никто и не заметит!

Романову он найдет! У нее работа, детище всей жизни, и мать – она не исчезнет, объявится! Куда она денется!

Надо ждать, расставить везде, где она может появиться, по человечку и ждать!

Он умеет. Ничего, ничего – он подождет!

Отморозкам урок преподнесен. Он выстрелил одному из них в живот и получил небывалое удовольствие, близкое к экстазу, наблюдая, как он дергается и корчится в агонии, объясняя попутно остальным, как надо выполнять его приказы! Натуралистическим примером!

И посмеялся от души их попыткам дернуться, доведя до их крошечных мозгов, что их пахан предложил ему пере-

стрелять их всех за нерадивость и неисполнение приказов, а он других пришлет.

Хотите жить?

Он получил удовольствие.

Давай, Сашенька Романова. Объявись! Где ты там прячешься, глупенькая?

И он засмеялся! Зря он так расстроился и исходил злостью, это даже интересно – «поводить» ничего не понимающую, бесполезно мечущуюся дамочку!

Да, и надо срочно выяснить, что это за мужик ей помог. И главное: почему?

Александра бежала за Гуровым Иваном Федоровичем, перестав ориентироваться в сплетении улиц, переулков и дворов, через которые он ее тащил, так и не отпуская руки. Они вынырнули из какой-то подворотни на дорогу и остановились. Вернее, остановился он, а Сашка, налетев на него, прекратила движение, как Конек-Горбунок: «Встань передо мной, как лист перед травой!»

– Пойдите здесь. Я сейчас! – подал голос молчавший во время пробега господин Гуров. – Никуда не уходите!

– Есть! – отозвалась Сашка.

Отпустив ее руку, он куда-то скрылся. Быстро так!

Санька постояла, переминаясь с ноги на ногу – от каблучков и бега на различные дистанции ноги немилосердно гудели.

«Стою тут, как... – начала ворчать про себя Сашка. – А чего я его слушаю! Он сам по себе, я сама!»

Она увидела себя как бы со стороны – стоит дамочка, одна, в четыре утра, на московской улице, переминается с ноги на ногу! Как это называется?

Уж утро близится, а Гурова все нет!

Надо поймать машину и...

И что дальше? Куда ехать?

«По дороге подумаю!» – решила Сашка.

И, увидев приближающийся свет фар, подняла руку.

«Десятка» цвета «мокрый асфальт» остановилась возле нее, открылась пассажирская дверца – нынче она в фаворе – все-то перед ней дверцы распахивают! Перегнувшись через сиденье, показалась уже привычная за сегодняшнюю ночь личность.

– По-моему, я сказал стоять и ждать, а вы ответили: есть?

– А по-моему, самое время не стоять, а что-то делать! – проворчала Сашка, забираясь внутрь.

Машина тронулась, а Санька раздраженно и сурово поинтересовалась:

– Ну, а эти «дровишки» откуда, «вестимо»?

– Угнал! – жизнерадостно доложил Иван Федорович.

– Да вы что, батенька, больны? – подскочила на сиденье Сашка. – У вас что, автомобильная kleптомания?

– Ну не пешком же нам идти! – аргументировал свои действия господин Гуров.

Или при таких наклонностях скорее гражданин? Или как там принято обращаться к преступникам – подозреваемый?

– Да что вы вытворяете?! Я абсолютно и глубоко законопослушная гражданка, меня даже ГАИ ни разу не штрафовала! А если нас сейчас повяжут? – бушевала Саша.

– Вряд ли, – усомнился подозреваемый.

– Что значит «вряд ли»? А план там какой-то «перехват» и всякие быстрые реагирования?

– А вы слышали, чтобы это хоть раз сработало?

– Да какая разница! – призывала, как Остап Бендер, к почитанию Уголовного кодекса Александра. – Это же криминал беспредельный какой-то! Вы машины угоняете, словно ягоды в лесу собираете! Это что, ваше хобби или основное занятие?

– Я уже отвечал на этот вопрос отрицательно, Александра! И чтобы успокоить ваше законопослушное гражданское возмущение, могу уверить, что ничего с этими машинами не станет. Одна у кафе осталась, где ее завтра и найдут, эту сейчас тоже пристроим на видное место. Расслабьтесь, Александра!

– Не называйте меня Александрой! – потребовала она.

– Ну, хорошо! – легко согласился он. – Я буду звать вас Алекс.

– Угу, – с язвительной надменностью отозвалась Сашка, – а я вас Юстас!

– Зачем же так нервничать? – усмехнулся автомобильный

клептоман.

– Куда мы едем? – потребовала объяснений Санька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.